

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники»

Кафедра философии

Г.И. Малыхина, В.И. Миськевич, Ю.А. Харин

***ГУМАНИЗАЦИЯ ДУХОВНОЙ СИНЕРГИИ СОВРЕМЕННОГО
БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ
ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ***

Учебное пособие
по курсу философии и культурологии
для студентов всех специальностей и форм обучения БГУИР,
аспирантов и магистрантов

Под ред. В.И. Миськевича

Минск 2005

УДК 1 (075.8)
ББК 87я73
М 20

Рецензент:
д-р филос. наук, проф. Н.И. Латыш

Малыхина Г.И.

М 20 Гуманизация духовной синергии современного белорусского общества в контексте идеологических вызовов современности: Учеб. пособие по курсу философии и культурологии для студ. всех спец. и форм обуч. БГУИР, аспирантов и магистрантов / Г.И. Малыхина, В.И. Миськевич, Ю.А. Харин; Под ред. В.И. Миськевича. – Мн.: БГУИР, 2005. – 74 с.
ISBN 985-444-734-0

В пособии раскрывается философское понимание феномена социальной и духовной синергии. Рассматриваются исторические особенности динамики отечественной социокультурной синергии. Дается анализ проблем гуманизации духовной синергии современного белорусского общества в контексте идеологических вызовов современности.

УДК 1 (075.8)
ББК 87я73

ISBN 985-444-734-0

© Малыхина Г. И., Миськевич В.И.,
Харин Ю. А., 2005
© БГУИР, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (В.И. Миськевич)	4
1 Синергия как объект теоретического анализа (Ю.А. Харин)	5
1.1 Синергия и мир духовности	5
1.2 Функции философии в событиях духовной синергии	6
1.3 Философская критика как форма духовного отрицания	9
1.4 Идеологические средоточия образования.....	12
1.5 Логическая аргументация как элемент идеологической культуры общества (Г.И. Малыхина).....	15
2 Белорусская социокультурная синергия в контексте исторических вызовов и ответов (В.И. Миськевич)	23
2.1 Вызовы и ответы в процессах социокультурной динамики	23
2.2 К вопросу об экспликации исторических предпосылок и теоретико-методологических оснований анализа отечественной социокультурной синергии	24
2.3 Белорусская социальная и духовная синергия в XIII – первой половине XVII столетий	27
2.4 Процессы белорусской этнической самоорганизации в период Речи Посполитой	36
2.5 На пути к возрождению национальной идентичности	39
2.6 Институализация белорусской социокультурной синергии	43
3 Диалектика институциональных и спонтанных факторов в процессах современной белорусской социокультурной синергии (В.И.Миськевич)	50
3.1 Объективные императивы социально-экономической трансформации	50
3.2 Демографические и экологические проблемы Беларуси	55
3.3 Формирование структур политической и гражданской самоорганизации общества.....	58
3.4 Социальный характер и концептуальные средоточия национальной идеи	61
Заключение (В.И.Миськевич)	68
ЛИТЕРАТУРА	70
Публикации авторов	71

Введение

Исследование проблем современной белорусской духовной синергии обусловлено комплексом взаимосвязанных и перекрывающихся причинных рядов. Это, во-первых, необходимость теоретического осмысления новых социальных и экзистенциальных реалий, в которых оказалось белорусское общество после обретения страной и народом суверенитета, т.е. научное обоснование приоритетов и целей трансформации отечественной социальной синергии. Во-вторых, потребности практико-ориентированных социальных действий. В-третьих, проблемы самоорганизации белорусского общества на основе синергизма институализированных и неинституализированных действий. В-четвертых, задачи сохранения национальной идентичности в ситуации набирающих силу процессов глобализации. В-пятых, акцентирование идеологических средоточий как ответов на вызовы современности.

Рассматривая проблему, авторы стремились не просто выявить культурно-исторические экзистенциалы белорусского общества, но и эксплицировать способы их включения в формирующееся новое духовно-синергетическое пространство. В этой связи в работе серьезное внимание уделяется тем проблемам белорусского общества, которые касаются ментальности народа, ее структуры, ценностных предпочтений и ожиданий. При этом авторы исходили из необходимости интеграции Беларуси в процессы современной европейской и мировой динамики.

В работе осуществлен анализ взаимодействия институализированных и спонтанных факторов актуализации механизмов самоорганизации духовной синергии. Выявлены роль и значение государства в создании необходимых предпосылок формирования гражданского общества, его политической и правовой культуры. Рассмотрена роль общественных институций в выработке адекватных ответов на духовные вызовы времени, их влияние на динамику изменений общественного сознания. Акцентирована необходимость корректного осмысления понятия «государственная идеология» в контексте становления в Республике Беларусь правового государства и идеологического плюрализма как его необходимого атрибута. Сформулированы приоритеты развития белорусской духовной синергии.

1 Синергия как объект теоретического анализа

1.1 Синергия и мир духовности

В последнее время все более популярными становятся идеи сравнительно новой научной дисциплины – синергетики. Она выступает как современная теория самоорганизации, изучает неравновесные (диссипативные) системы и нелинейные процессы. Но не будем углубляться в теории синергетики, напомним только, что название этой науки связано с древнегреческим словом «синергия», означающим «совместное действие». Именно данное первоначальное значение термина «синергия» (со-действие, сотрудничество) и будет использоваться в последующих рассуждениях о явлениях и структурах духовной жизни человека и социума.

Однако уточним прежде всего предмет разговора. Мир духовности – особая сфера социальной синергии, которая в целом представляет собой «сотрудничество», взаимопроникновение и взаимодополнение материальных и политических процессов, социокультурных и экологических факторов, целенаправленных, институализированных и спонтанно-стихийных человеческих действий.

Сказанное проясняет суть вопроса о духовной синергии. Это, в первую очередь, механизмы взаимодействия элементов высшего круга человеческого бытия, сферы коммуникативно-идеологических отношений, общественного сознания и культуры. При дальнейшей конкретизации мира духовности раскрывается удивительно многоструктурная панорама. Явления и события духовной синергии разнокачественны. Они структурируются по различным основаниям.

В индивидуальном сознании, например, выделяются такие элементы синергии, как

- сознание, самопознание, сверх-(над)сознание, подсознание;
- отражение, оценка, целеполагание, смысл; сенсорика, эмоции, память, воля, мышление;
- когнитивные, мотивационные, нормативные и другие импульсы и интенции.

Общественное же сознание дифференцируется

- на функционалы (наука, идеология, общественная психология),
- формы (нравственная, религиозная, правосознание, эстетическое, политическая, философская),
- сущностные установки (апологетические, конформистские, революционно-критические, нонконформистские, нигилистические),
- типы (прагматические, ценностные) и другие.

Структурная и тем более содержательная разнородность ментальности индивида и общества лежит в основе многочисленных противоречий сферы духовности: противоположность намеренного целеполагания и часто неосознаваемого спонтанного изменения индивидуальной и массовой психики; поэлементных коммуникативно-идеологических отношений (индивидуальное познание – социальное знание, знание – вера, возвышенная экзистенция –

бездуховность, просвещенность – невежество, нравственность – моральный нигилизм, наука – идеология и т.п.). С особой остротой обнаруживаются противоречия духовной жизни в условиях социального цвишенизма (от нем. *zwischen* – между), т.е. состояния перехода, «между-бытия», пограничной ситуации, трансформации привычного уклада жизни в совершенно иное устройство общественного и личностного бытия.

В нормальных условиях люди ведут себя более или менее адекватно усвоенным требованиям морали, в соответствии со своим правосознанием, совестью и идеалами. При кризисе духовных ценностей у людей утрачиваются прежние регулятивы личной деятельности. Во времена социального цвишенизма то, что таится у людей в антропологических глубинах, может стать жизненной доминантой, превращая человека в одномерное существо *Homo zwischens*. Такой человек ценностно и идеологически дезориентирован, легко поддается внушению и манипулированию. Гомо цвишенс – человек, лишенный твердых нравственных и ценностных устоев, колеблющийся, вынужденный в атмосфере неопределенности принимать рискованные решения. Зачастую у него возникают безразличие, апатия, склонность воздерживаться от поступков, непоследовательность в социальных действиях, а то и, наоборот, агрессивность, озлобленность; он способен как «человек-масса» к немотивированным акциям. Состояние цвишенизма тягостно для индивида и опасно для общества. Социальный субъект (личность, общество, группа людей) не может долго пребывать в условиях нестабильности и неопределенности, в сомнениях перед выбором реальных альтернатив при отсутствии объединяющих в массовые действия общих целей или идей.

Все это придает сейчас проблеме духовной синергии не просто академический интерес, но и очевидную практическую злободневность.

1.2 Функции философии в событиях духовной синергии

Период повсеместного цвишенизма на рубеже нынешних веков сопрягается со специфическими событиями духовной синергии. Термином «духовная синергия», напомним, обозначается динамичный процесс взаимодействия разнородных феноменов индивидуального и общественного сознания, определяющий состояние ментальности социума. Поскольку в духовной культуре человечества ее «душу живую» принято соотносить с философией, постольку полезно для прояснения происходящих сейчас в коммуникативно-идеологической сфере событий обратиться к выявлению роли в них мировоззренческих интенций. В этой связи кажется небезынтересным анализ творческого опыта Анри Пуанкаре. Тогда (конец XIX века) речь шла о философском осмыслении такого важного события духовной синергии, как кризис физики. Выход из него ученый искал в парадигме конвенционалистско-позитивистского образа философствования, который однако оказался непродуктивным, и это отложило свой отпечаток и на теоретических изысканиях великого математика. Тем самым была еще раз подтверждена значимость в событиях духовной синергии правильного выбора мировоззренческо-методологической ориентации и регулятивов социальных (в том числе познавательных) действий. Здесь нужно заметить, что взаимосвязь философии

и науки (впрочем, и всех других феноменов духовной синергии) опосредуется в конкретных событиях культуры личностью. «Какой философии придерживается человек, зависит от того, что это за человек» (Фихте). Это обстоятельство не может не приниматься во внимание при обсуждении вопроса о функциях философии в мире духовности. Собственно, речь тут должна идти не столько о философии как специализированной теоретической системе, сколько об объективно-социальной ценности того или иного образа философской мысли. В недавнем прошлом у нас в духовной синергии знали чаще всего оппозиции типа материализм – идеализм, диалектика – метафизика, сциентизм – интуитивизм, сенсуализм – рационализм, эмпиризм – умозрительная спекуляция и т.п. Между тем в событиях духовной синергии личностно воспринимаются и объективируются различные виды интегрированных философских реалий, дополняющих своеобразной «нелинейностью» обычный для историков философии ряд: учение – школа – течение – направление. Отмеченную «нелинейность» в духовных событиях обуславливает усвоение индивидом и социумом конкретных образов философской мысли. В данной духовной реалии вычленяются следующие компоненты: а) гносеологическая позиция мыслителя; б) парадигмальная манера философствования; в) регулятивный принцип решения философских вопросов; г) доминантная ценностная ориентация индивидуальных убеждений и социальных устремлений.

Предложенное структурирование обсуждаемого ментального феномена помогает шире рассмотреть спектр функциональной предназначенности философии. Помимо гносеологического, методологического и иных воздействий на социальный субъект, философия образами своей мысли способна влиять на события духовной синергии в соответствии с различными социальными интересами и нуждами.

Нельзя в наши дни не видеть новых обязанностей, налагаемых временем на философию. Одна из них в событиях духовной синергии деструктивна. Это связано с популярностью среди значительной части интеллектуалов и вообще в мире повседневности образа мысли постмодернистского феноменологизма. Зыбкость бытия, карнавальность, неподлинность, нестабильность, игра, постоянные трансформации и отрицания могут соседствовать в событиях духовной жизни только с истолкованием философии как «непрерывного творения концептов» (Делёз, Гваттари) или «мышления ради мышления наподобие чистого искусства» (Мамардашвили). Сознание мыслящего субъекта тут релятивизируется, насыщается феноменологическими по сути дела представлениями о постмодернистских «симулякрах»; гуссерлевском «жизненном мире», эмпириокритически трактуемом «опыте» и прочие. Уходят на периферию мышления, а то и вовсе из него изгоняются (при постмодернистских модуляциях) выверенные философской практикой такие понятия, как сущность, материя, диалектика, рациональность и т.д. Следствием является нарастание в духовной сфере процессов мировоззренческой диссипации, нравственного нигилизма, социального скептицизма и иных проявлений социокультурной деструкции.

Еще одну отрицательную функцию в событиях духовной синергии выполняет сейчас образ философской мысли, который может быть назван квазиестественнонаучным религиозным дуализмом. Его все расширяющееся воздействие на события духовной синергии объясняется комплексом факторов: негативы современного научно-технического прогресса, феномены отчуждения и одномерности человека, глобальные природные и социотехнические катаклизмы, активизация деятельности церкви и др. После долгих веков борьбы с невежеством, религиозным фанатизмом и догматизмом сейчас наблюдаются удивительные мировоззренческие метаморфозы. Высокие цели и идеалы Просвещения для многих наших современников утрачивают былую значимость и привлекательность. Некоторые серьезные ученые уверяют в том, к примеру, что поддается убедительному логическому доказательству догмат троичности христианского Бога (акад. А.Н. Раушенбах), что существует мировой семантический универсум (В.В. Налимов), что информация суть духовное начало, заполняющее всю Вселенную (член.-корр. РАН В.А. Кузин), а то и вовсе, что она субстанция, более глубокая, чем материя и сознание (акад. А.Н. Яковлев) и т.д.

Усвоение различными группами населения квазиестественнонаучного религиозно-дуалистического образа мысли примечательный признак конфессионализации теперешней духовной синергии, ее одно из наиболее бросающихся в глаза коммуникативно-идеологических событий. Субъекты, свободно оперирующие в онто-логических измерениях философемами типа семантический универсум, Бог, духовное начало, психоны, высший управленческий процесс, первичная (по отношению к материи и сознанию) реальность информации, навязывают философии в общем-то имманентно ей не свойственную функцию апологии теологических догм, десциентизации духовной синергии, мировоззренческой индифферентности, выработку в конечном счете установки социальной пассивности.

В условиях плодящихся теперь часто весьма экзотических образов философской мысли продолжает сохранять свою существенную социальную значимость в событиях духовной жизни диалектико-материалистическая школа. Во времена А. Пуанкаре ее приверженцы нашли пути выхода физики из кризисного состояния, обратив внимание естествоиспытателей на необходимость кардинального изменения именно образа философского осмысления исследуемой наукой действительности, что непременно нужно было осуществить в силу проникновения человеческого ума на более глубокие уровни природы. Мировоззренческая масштабность личности великого преобразователя естествознания, среди прочего, определяется его мудрым прозрением конструктивной роли конвенциалистской эвристики в ситуациях поиска новых оснований современной научной картины мира.

Возвращаясь к диалектико-материалистической философии, отметим, что свойственный ей образ рефлексии при фиксации его социально-ценностной составляющей должен быть типологизирован как гуманистический. Своеобразие марксистской модификации гуманистического мышления состоит в акцентировании идеи конкретного практического, действительного (реального) гуманизма. В выполнении своей гуманистической функции

материалистическая диалектика воспринимает интенцию Пуанкаре: «Человек не может отказаться от знания, не опускаясь, поэтому-то интересы науки священны». Такая категоричность может показаться кое-кому сейчас слишком резкой. Поиск истины ныне далеко не всеми приветствуется. Пишут даже, что ресурсы противопоставления знания и веры, науки и религии исчерпаны. Это может быть и так, с точки зрения сторонников квазиестественнонаучного религиозного дуализма. Но для тех, кто склонен различать истину и заблуждение, реальность и фантазию, действительность и виртуальность, более достойно воспринять гуманистическую эвристику материалистической диалектики.

1.3 Философская критика как форма духовного отрицания

В духовном функционировании общества существенную роль играют теоретические формы отрицания. Одной из таких форм является философская критика.

Изложенное ниже следует рассматривать как дальнейшую конкретизацию понимания философской критики сквозь призму происходящих сейчас процессов в духовной синергии. Что касается собственно критики, то в зависимости от вкладываемого в выражение «критика» смысла, ее формы и функции в духовной синергии могут быть различными. Так, Кант рассматривал чистый разум как способ познания «из априорных принципов», а критику чистого разума «исследованием возможности границ подобного познания». Критика может быть также орудием идеологического противоборства. Нередко в явлениях духовной жизни критика предстает как самокритика в мыслительных процедурах уточнения, прояснения, переформулирования, конкретизации, релятивизации и т.д. собственной точки зрения. Уместно тут пояснить, что отрицание в духовной синергии не исчерпывается теоретическим уровнем реализации (философской и другими видами критики), но проявляется и иными способами (психологическая несовместимость, возрастной нонконформизм, душевная депрессия и др.).

Применительно же к философской критике с ее онтологической, гносеологической, социально-мировоззренческой и аксеологической интенциями особо важно при размышлениях о духовной синергии помнить о феномене отрицания, специфически обнаруживающемся во взаимодействии различных форм универсальной ментальности. В данном тексте развивается именно данный аспект темы критики, что стало чрезвычайно актуальным с обострением противоречий духовной сферы социума в условиях нынешнего повсеместного цвишенизма, т.е. в состоянии перехода, «между-бытия», пограничной ситуации современной социальной трансформации.

Критика в области философии обнаруживается во всех ипостасях: имманентной, деструктивной, конструктивной, нигилистической с использованием разного рода аргументации, методов и средств. Применяется самый разнообразный теоретический, фактологический и языковой инструментарий. В этой связи напомним, что средством и формой реализации любого суждения и высказывания является предложение. Критика – это система целенаправленных, опровергающих какую-либо идею утвердительных и отрица-

тельных предложений. Для выражения утверждения в индоевропейских языках, например, нет специальных языковых средств, кроме «да» и его эквивалентов, т.е. утверждение характеризуется нулевыми показателями. Для выражения же отрицания существуют специальные языковые средства, в большей или в меньшей степени грамматизированные, которые воспринимаются как отрицание именно на фоне нулевого оформления утверждения.

Однако, если логические категории едины для всех людей, то языковые средства и правила их функционирования многообразны. Одно отрицательное суждение может быть воспринято разными языками по-разному, так как в каждом языке имеется не одно, а несколько средств выражения отрицания. Так, в русском языке основное словесное выражение отрицательного элемента – частица *не*. Она является синтаксической категорией отрицания. К основному отрицанию *не* примыкает ряд более или менее близких к нему выражений того же порядка. Наиболее распространенным из них и наиболее резким по своей устраняющей функции является предлог *без*, а затем *вне* и *сверх* и, наконец, контрастирующий предлог *против*. В немецком языке для выражения отрицания как языковой категории существуют такие грамматические средства выражения отрицания, как глагольные отрицательные частицы, отрицательные местоимения и наречия, отрицательно-разделительные союзы (*nicht, kein, niemand, nichts, nie, noch* и т.д.).

При помощи названных грамматических средств отрицания выражается отсутствие смысловой связи между членами предложения и тем самым отражается разъединенность явлений действительности. С лингвистической точки зрения весьма важно, к какому члену предложения относится отрицание. Только отрицание, стоящее при сказуемом, делает все высказывание отрицательным («материя несотворима и неуничтожима», «Фейербах не был представителем диалектического материализма»). В случае такого отрицания выражается смысловая разъединенность между подлежащим и сказуемым. Лишь отрицание сказуемого распространяет действие этого отрицания на все предложение в целом.

После необходимых пояснений логического и лингвистического понимания отрицания возвратимся к обсуждаемому вопросу о философской критике. Поскольку с гносеологической точки зрения продвижение в научном и мировоззренческом понимании действительности связано с выработкой нового знания (идей, теорий, концепций, образов философской мысли) и, значит, отрицания прежних представлений, постольку существенно важно понимание условий возникновения отрицательного отношения социального субъекта к становящимся предметом критики воззрениям.

При ретроспективной интерпретации духовной синергии мы убеждаемся, что философия как «схваченная в мысли эпоха» содержит в себе поразительное многообразие форм отрицания разной интенции и силы. Достаточно для примера напомнить об отношении Платона к Демокриту, критике Аристотелем идей Платона, столкновении реализма и номинализма, иррелигиозном скептицизме Юма, декартовском дуализме и монизме Спинозовского учения, неприятию Кантом «наукоучения» Фихте, гегелевской уверенности в идеализме как единственно истинном способе философствования и т.п. И хо-

тя в ретроспективе духовной синергии есть немало поучительного в трактовке философской критики, сосредоточим внимание на раскрытии ее актуальных и перспективных аспектов.

В свое время П.В. Копнин уточнил содержание философской критики приверженцами марксизма, диалектического материализма. Однако в плане темы духовной синергии рассматриваемый вопрос должен ставиться значительно шире. Ведь философия – особый компонент духовной культуры, ее «квинтэссенция», «живая душа». Поэтому для общества с гуманистической интенцией социального прогресса вовсе не безразлично, на каких мировоззренческих устоях оно держится. Это особенно актуально для современности в связи с распадом Советского Союза и поражением мирового тоталитаризма, противоречиями набирающей силу глобализации и становлением информационно-компьютерного общества. Тем самым появляется необходимость как осмысления новых реалий, так и критической переоценки и самого философского сознания, его наиболее принципиальных идей. Назовем некоторые из них:

1. Идея смерти, конца философии. Внедряется она в общественное сознание сейчас с использованием различных аргументов. Утверждают, в частности, что философия — это любовь к мудрости, а мудрость за две с половиной тысячи лет фактически уже исчерпана, высказана. Значит, у философии нет дальнейших возможностей развития. Усматриваются и другие «доказательства»: философия – это только «критика языка», она теперь утратила свой предмет по причине маргинализации и плюрализации собственной проблематики; неприемлемость ее в качестве мировоззрения по причине крайней зыбкости и неопределенности применения универсальных утверждений; все явственнее философия уступает свои функции науке (синергетике, общей теории систем, антропологии, социологии, когнитологии и т.д.); предназначение философии теперь более успешно выполняет религия и т.д. Подобные суждения не столь безобидны, как кажутся, и критика ведется учеными разного образа философской мысли, сознающими теоретическую и практическую опасность изъятия (снижения роли, ограничения только историей) феномена любомудрия из современной культуры.

2. Тезис о «единой философии», об отсутствии ее «партийности». В обоснование этого утверждения приводятся такие доводы: «не первичны ни материя, ни сознание, а информация»; философия – «общечеловеческая ценность, а потому ее принципы едины»; «о партийности еще как-то говорилось относительно прошлой философии, но во времена информационной цивилизации это звучит крайне абсурдно»; «противоположность материализма и идеализма давно устарела» и т. п. Данный тезис, однако, не бесспорен, а потому он остается и ныне предметом философской дискуссии, и спор между идеалистами и материалистами по вопросу об отношении сознания и материи продолжается. Поэтому тезис о «единой» философии в структуре современной духовной синергии служит предметом разнообразной критики в силу самой многокачественности мировоззренческого представления действительности (феноменологического, позитивистского, субъективно-идеалистического, герменевтического, религиозного, постмодернистского и т.д.).

3. Утверждение, что «диалектика есть опиум для народа и, прежде всего ученого народа». И раньше находились философы и теоретики-доктринеры, которые страстно опровергали материалистическую диалектику. Ведь диалектика в качестве важнейшего своего элемента содержит принципы отрицания. А это не могло нравиться властям предрержащим и их идеологическим апологетам. К тому же диалектика касается самих глубин бытия. В период современного цвишенизма по отношению к диалектике используют различные виды и приемы философской критики: простое умолчание (в некоторых вузовских учебных пособиях); пренебрежение ею как, будто бы, исключительно идеологической формулой триады; ограничение компетенции диалектики только сферой ментальности (экзистенциалистская, герменевтическая и т.п. диалектика); сведение к деструкции (негативная диалектика); встречаются и те, кто готов заменить неудобную объективную диалектику более современными синергетикой или «кентавристикой».

4. Современный теоретический факт квазиестественнонаучного религиозного дуализма. Наступление нового тысячелетия во многом инициировало в процессах духовной синергии обострение антисциентических и вообще антипросвещенческих настроений. Зазвучали призывы к гармонии веры и знания; к духовному сопряжению науки и религии, что и реализовалось в появлении выше отмеченного теоретического факта. Дуализм тут выражается верой в существование двух миров (материального и небесного, божественного), а псевдоестественнонаучность – в кажущейся возможности будто бы с привлечением аргументов естествознания приемлемого обоснования несбыточных фантазий и вымыслов. Серьезный мыслитель не способен воспринять подобную эклектическую мировоззренческую позицию.

1.4 Идеологические средоточия образования

Верно замечено, что идеи не падают с неба. Применительно к идеологии это означает, во-первых, что она возникает в силу вполне земных обстоятельств как выражение насущных потребностей и интересов. Во-вторых, идеология – неперемный необходимый элемент духовной жизни общества, исторически изменяющийся вместе с его развитием. В-третьих, идеология нуждается в особых интеллектуальных усилиях при разработке ее содержания, поскольку в ней фиксируются теоретически сформулированные цели социальных действий больших групп людей, классов, религиозных конфессий, государства, политических партий, общества в целом. В-четвертых, в силу указанного только что обстоятельства, идеология не может зародиться спонтанно в психике людей, ее должны разработать имеющие, как правило, специальную подготовку (социально-гуманитарное образование и практический опыт общественной деятельности) теоретики, ученые, политики, философы и другие, короче говоря, «идеологи». Наконец, в-пятых, идея должна стать элементом массовой духовности, идеологию нужно «внести» в общественное сознание и в сознание индивидов.

А что, собственно, значит «внести» идеологию в массовое сознание, т.е. в духовный мир ребенка, школьника, студента, специалиста? В общем случае – это

воздействовать на сознание и, следовательно, изменить многие структуры духовной синергии. Напомним, что духовную синергию (со-действие) образует совокупность разнородных элементов индивидуальной (знания, убеждения, переживания, логика, вера, воля и др.) и социальной формы ментальности (экзистенциалы, ценности, традиции, нормы, мнения, социальные чувства и пр.).

Идеологии тут приходится вступать в непростые взаимоотношения со многими существенными компонентами людского духовного комплекса, и главное – определиться в структуре уже господствующих мировоззренческо-идеологических взглядов. Возьмем, например, ситуацию недавнего прошлого. Идеология марксизма (в ее тоталитарно-коммунистическом варианте) была ориентирована на формирование социального конформиста, «одномерного человека», воспринимающего действительность в черно-белых тонах. Естественно, что разрушение тоталитарной социальной системы началось с критики ее идеологии. С формированием и укреплением новых социальных структур встал вопрос о выработке новых идеологических реалий, соответствующих вызовам современности.

Но прежде поясним, что понимается под выражением «идеологическое средоточие». Слово «средоточие» выражает содержание, обычно вкладываемое в понятия «центрация», «социальный аттрактор», «мода», «доминанта», «усилие». Применительно к духовной синергии термин «средоточие» означает продукт ментальности, реализующий функцию желательного регулирования человеческого поведения. Средоточие – это прежде всего факт целерациональной составляющей духовной жизни человека и общества. Но нередко духовные средоточия проявляются и в форме стихийной реакции людей на жизненно волнующие их события – социоприродные и техногенные катастрофы, социальные антагонизмы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, террористические акты, обострение внутренних и внешних социальных противоречий.

К числу идеологических принадлежат те духовные средоточия, которые катализируют феномены ментальных переживаний (мнения, убеждения, сомнения, ожидания, взгляды, верования, знания, слухи и другие) в определенном направлении, помогающем сознательному субъекту (государству, классу, партии, обществу) достичь своих стратегических целей. Идеологические средоточия могут касаться воззрений людей на различные социальные объекты и исторические события – экономику, политику, социальные отношения, культуру, демографию, экологию, философию, мораль, науку, религию, оценки отдельных личностей, идей и общественных движений.

Бывает, ставится вопрос об истинности какой-либо идеологии: либерально-рыночной, американско-глобалистской, социал-демократической, коммунистической, православно-христианской, католической и других. Каждая из идеологий претендует на свою правду, которая не обязательно должна быть всеобщей истиной. В идеологическом средоточии, как это особенно обнаруживается в современной духовной реальности, истина – вовсе не ведущее и обязательное начало. Таковым в идеологии предстают, прежде всего, ценностная установка, цель социального субъекта, которые могут быть весьма далекими от истины как подтвержденной практикой адекватности конкретно-исторического сознания действительности. А еще важнее то, что сей-

час часто идеологическое средоточие вносится в умы зрителей, слушателей и читателей посредством манипуляции их сознанием средствами массовой информации при помощи разного рода полуправды, пиара и фальсификации.

Необходимо переломить ситуацию в пользу гуманистически ориентированных и возвышающих личность ценностей. Новые идеологические ориентиры непременно должны иметь место, поскольку после бесплодного и разрушительного периода духовного цвишенизма все более определенно наступает время реидеологизации, время четкого самоопределения белорусского общества в стратегических целях и главных идеалах своего развития. Об этом со всей ясностью сказал глава нашего государства в докладе «Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент». Прежде всего это касается системы образования. И дело не только в том, что в средних общеобразовательных и специальных учебных заведениях могут появиться особые учебные курсы по идеологии, как в вузах, где они уже практически вводятся. Гораздо важнее то, что сама школа должна, на наш взгляд, возродить функции идеологического учреждения. Главное здесь – такт, понимание педагогом содержания идеологии Республики Беларусь, его личная политико-правовая культура.

Идеологические средоточия достаточно четко прописаны в Конституции Республики Беларусь. Среди них можно назвать конституционные положения о Республике Беларусь как унитарном демократическом социальном правовом государстве, о белорусском и русском языках как государственных, о праве граждан на образование, о гарантии доступности и бесплатности общего среднего и профессионально-технического образования, о праве граждан самостоятельно определять свое отношение к религии, о гарантии свободы мнений, убеждений и свободы их выражения и других.

В идеологических средоточиях могут быть интегрированы выдержавшие испытания временем социально-философские положения марксизма (диалектика, социальное равенство, коллективизм, свободное развитие личности как условие свободного развития всех и др.), традиционные ценности белорусского народа (способность трудиться не только ради себя, но и для блага общества, коллектива, других людей; потребность в идеалах и высоких целях, уважительное отношение народа к государству, патриотизм и другие).

В идеологии белорусской государственности могут быть восприняты и некоторые элементы рыночного либерализма, развивающие у людей чувства предприимчивости, инициативы, самостоятельности, ответственности, установки на эффективность собственных созидательных действий.

Следует согласиться с мнением академика Е.М. Бабосова, что «в нашей идеологической системе должны быть объединены, синтезированы национальная идея и идея государственническая». Но само толкование уважаемым ученым национальной идеи как «беларускасці» (с ее традиционными для белорусов чертами – «добразычлівасці», «памяркоўнасці», «талерантнасці», понятиями «Айчыны», «нашай Бацькаўшчыны» и др.) оказывается не совсем конкретным и четким. Названные средоточия белорусского менталитета скорее характеризуют психологический склад нации, чем ее «идею». О содержа-

нии этой идеи в различных изданиях сказано немало и дискуссия еще не завершена.

Что же касается средоточий идеологии белорусского государства, то их ценностное ядро, теоретический «аттрактор» в современных условиях жизни нашей страны и всей цивилизации, как представляется, образует гуманистическая идея взаимообусловленности устойчивого прогресса и возвышения личности.

1.5 Логическая аргументация как элемент идеологической культуры общества

Степень интереса общественности к проблемам аргументации является свидетельством интеллектуальных и социально-политических ценностей, преобладающих в общественном сознании. Ориентация на цивилизованный диалог различных партий и движений, научных и производственных коллективов, церкви и государства, сфер образования и культуры предполагает умение общаться с оппонентом, спорить и дискутировать, аргументированно излагать свою точку зрения, чтобы в конечном итоге убедить противную сторону. В этом смысле аргументация выступает формой рационально-логического убеждения. Противоположность убеждению – принуждение – связано с насилием, ограничением свободы и жестким управлением действиями людей.

В тоталитарном обществе, в атмосфере принуждения власть насильно навязывает обществу выгодные для себя законы, идеологию. Это единственная система отсчета, когда другие не признаются в качестве равных, когда отрицается само право на собственное мнение. Есть и другая система социальных координат и ценностей – демократическая. Здесь «другой», возможно, твой непримиримый оппонент, имеет те же права, что и ты. И чтобы убедить его в чем-либо, нужны коммуникации, в том числе – рационально-логические интеракции. Впервые в истории человечества значение такого рода аргументации (коммуникации) было явлено в Древней Греции. Спор, дискуссия, интеллектуальное состязание стало там нормой жизни, по-своему проявляясь в политике, юриспруденции, на собраниях демоса, в выступлениях ораторов, интеллектуальных беседах, философских учениях, в практике образования и т.д. Возникла даже особая наука – риторика – искусство красноречия, синтезировавшая в себе как логические правила, так и психологические приемы воздействия на аудиторию.

Республика Беларусь идет трудным путем построения демократического общества. Одним из критериев его поступательного развития является культура диалога – диалога общества и государства, власти и оппозиции, единомышленников и оппонентов. Эта культура складывается из логической культуры отдельных людей, в том числе каждого из нас. Она предполагает умение вести дискуссию, используя правила доказательства и опровержения, позволяет избегать ловушек софизмов и паралогизмов. А главное – содействует формированию в обществе терпимости к другим мнениям, умению жить в мире людям с различными мировоззрениями.

Рассмотрим основные элементы теории аргументации.

Доказательство и его структура

В *широком* смысле под **доказательством** понимается *любой способ* обоснования истинности какого-либо утверждения. «Любой» значит как эмпирический, так и теоретический. Визуальные наблюдения, измерительные процедуры, химические опыты являются примерами непосредственного доказательства. Такое доказательство принимает вид практических действий, в ходе которых доказываемое положение сопоставляется с фактами окружающей действительности. В таких доказательствах органы чувств существенны и служат «инструментами» познания. Например, «доказывая» среднюю длину шага, его измеряют.

В *узком* смысле под доказательством понимается логическая операция обоснования истинности какого-либо утверждения при помощи других утверждений, истинность которых уже доказана. Такое доказательство называется опосредованным, или логическим. В дальнейшем под доказательством будем понимать доказательство в узком смысле.

Практическое значение доказательства особенно важно в тех областях науки, где выводы о свойствах, связях и отношениях объективного мира в принципе не допускают опытного подтверждения, либо рассматриваются как нецелесообразные.

Любое доказательство состоит из *тезиса, аргументов и демонстрации*.

1. *Тезисом* называется утверждение, истинность которого необходимо доказать. Это – центральный элемент доказательства. В предложении тезис выражается подлежащим и отвечает на вопрос: «Что требуется доказать?». Поэтому говорят, что «доказать» – это значит установить истинность тезиса.

2. *Аргументы* – это истинные суждения, которые используются для доказательства тезиса. В структуре доказательства они именуется также основаниями или посылками, из которых по определенным правилам выводится тезис доказательства. Например, для доказательства тезиса «Медь – электропроводна» используются следующие истинные аргументы: «Все металлы – электропроводны» и «Медь – металл». Рассматривая эти истинные суждения в качестве посылок доказательства, мы можем, связав их определенным логическим образом, вывести из них доказываемое суждение «Медь электропроводна», что и будет служить доказательством тезиса.

В процессе доказательства могут использоваться разные аргументы: законы, истинные утверждения о фактах, теоремы, аксиомы и др. В целом они бывают двух видов – правильными и неправильными аргументами, корректными либо некорректными.

2.1. *Аргументы ad rem* (касающиеся дела) относятся к корректным.

Они объективны и касаются сути доказываемого тезиса. Их множество:

1) *аксиомы* (от греч. *axioma* – без доказательства) – бездоказательные научные положения, которые принимаются в качестве аргумента при доказательстве других положений. В понятии «аксиома» заключены два логических смысла. Это – «истинное положение, не требующее доказательства», и «отправной пункт доказательства». Именно так понимал аксиому Аристотель, считая истинность аксиом самоочевидной и бесспорной. Понятие «аксиомы»

положено в основу *аксиоматического метода* построения научной теории, когда из исходных аксиом, взятых в качестве основополагающих утверждений, чисто логическим путем выводятся (т.е. доказываются) ее следствия (теоремы). Образцом аксиоматической теории античности являлась геометрия Евклида и его «Начала». В современных аксиоматических теориях формулируется ряд требований, предъявляемых к формальным системам (непротиворечивость, полнота, независимость). Если на основании данной аксиоматической системы нельзя доказать противоречивые суждения (утверждение или отрицание), то такая система считается *непротиворечивой*. Если данной системы аксиом достаточно, чтобы вывести все истинные положения в данной научной области, то система аксиом считается *полной*. Если аксиомы данной системы не выведены из других аксиом этой же научной области, то эта аксиоматическая система является *независимой*;

2) *теоремы* – доказанные положения науки. Их доказательство принимает вид логического следствия из аксиом;

3) *законы* – особые положения наук, устанавливающие существенные, т.е. необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи явлений. Каждая наука имеет свои законы, результирующие определенный вид научно-исследовательской практики. Аксиомы и теоремы также принимают вид законов (аксиома силлогизма, теорема Пифагора);

4) *суждения о фактах* – раздел научного знания опытно-экспериментального характера (результаты наблюдений, показания приборов, социологические данные, статистика, измерительные данные, данные эксперимента и др.). В качестве аргументов берутся те из суждений о фактах, истинность которых подтверждена на практике.

5) *определения*. Данная логическая операция позволяет формировать в каждой научной области класс определений, которые играют двойную роль: с одной стороны, они помогают специфицировать предмет и отличать его от других предметов данной области, а, с другой стороны, расширять объем научных знаний, вводя новые определения.

2.2. *Аргументы ad hominem* (апеллирующие к человеку) касаются характерных черт личности, психологии человека и особенностей публичной речи. Они имеют своей целью убедить «любой ценой» – ссылкой на авторитет, «игрой на публику», ложным аргументом, угрозой и намеком на последствия, «игрой на чувствах» (жалости, тщеславия, эгоизма), обещаниями и заверениями.

Такие аргументы в логике считаются некорректными, а доказательство с их использованием – неправильным. Подробнее мы к ним вернемся, говоря об ошибках в доказательствах.

Итак: доказательство обращает «пристальное внимание» на качество и состав аргументов. Кроме того, форма перехода от посылок доказательства к тезису может быть разной. Она образует третий элемент в структуре доказательства.

3. *Форма доказательства, или демонстрация* – это способ логической связи аргумента и тезиса доказательства. Это самое общее определение дока-

зательства, которое затем конкретизируется в соответствии с предметом науки. Сама логика исследует два вида доказательства:

3.1. Доказательство *прямое*, т.е. такое, в котором тезис необходимо следует из аргументов. Прямое доказательство часто принимает вид правильного силлогизма – категорического, условного, условно-категорического, разделительно-категорического, условно-разделительного.

3.2. Доказательство *косвенное*, или *апогагическое* (отводящее), в котором истинность тезиса устанавливается не прямо (как в 3.1.), а через доказательство ложности противоречащего ему *антитезиса*. Тезис и антитезис образуют логическое противоречие (как утверждение и отрицание). В этом и заключается логический смысл косвенного доказательства. Закон непротиворечия запрещает одновременную истинность утверждения и отрицания. Значит, установив логическое значение одного из противоречивых положений, мы можем «автоматически» получить логическое значение другого положения.

Если в ходе доказательства утверждается одновременная истинность противоречивых положений, то это противоречит правилам. Такую форму мысли греки называли **парадоксом**¹ (от греч. *para* – два и *doxos* – мнение). Эта форма мысли активно используется в литературном выражении (метафора), в маркетинге («парадоксальная реклама»), однако в формальной логике она является ошибкой.

У парадокса есть латинский «брат» – *абсурд* (от лат. *absurdus* – глупый, нелепый). Под абсурдом в логике понимается внутренне противоречивое высказывание. Оно также нарушает закон противоречия и побуждает к признанию истинными утверждение и отрицание. Выражение, содержащее такое стремление, называют «абсурдным». Например, абсурдным будет следующее определение: «классическая формальная логика – это многозначная логика», поскольку первая признает «только два значения», а вторая – «только не два значения».

Парадокс и абсурд следует отличать от *бессмыслицы*. «Бессмысленное» в логике – это высказывание, истинность либо ложность которого установить невозможно. Оно «*без смысла*», т.е. искусственно, неадекватно ни реальному, ни воображаемому предмету мысли. «Говорить абсурдно» – значит, противоречить себе, а «городить бессмыслицу» – значит отгородить себя от собеседника стеной непонимания. Бессмысленное так же «понятно», как «несъедобное съедобно».

Логический смысл «абсурда» используется в доказательстве. В логике существует вид доказательства «*путем приведения к абсурду*». Его смысл сводится к установлению *противоречивых следствий* из доказываемого тезиса.

¹ Всем известны парадоксы «Лжеца», «парадоксы Рассела», парадокс «Протагор и Еватл» и его модусы: «Крокодил и мать», «Санчо-Панса» и др. Греки – удивительные люди. Их заслуги в области логики огромны. Они не только установили правила «комфортного» состояния ума (возможность различать истину и ложь), но и составили «каталог дискомфорта ума». В последний вошли мысли в состоянии *софизма*, *парадокса*, *апории* и др. И сколько бы мы ни упражнялись с ними в афористической практике, в спокойном состоянии ума они вызывают ощущение дискомфорта, ищут разрешения.

Положение, из которого выводится противоречие, в логике считается ложным.

Косвенное доказательство является частным случаем «приведения к абсурду», только в нем устанавливаются не противоречивые следствия из одного тезиса, а противоречие *единственного* следствия реальному положению дел или ранее доказанному. На этом основании заключают о ложности исходного допущения или антитезиса.

Опровержение и его виды

Опровержение – это логическая операция по установлению ложности тезиса. Задача опровержения – установить ложность выдвинутого положения или его недоказанность. *Доказать* тезис А – значит обосновать его *истинность*, а *опровергнуть* тезис А – значит обосновать его *ложность*. Любое положение может быть подвергнуто двум видам аргументации. Либо будут найдены аргументы, подтверждающие выдвинутое в диалоге положение, либо будут указаны аргументы против данного положения (контраргументы), т.е. опровергающие его. На практике опровержение используется так же широко, как и доказательство, и имеет такую же структуру.

Структура опровержения

В структуру опровержения входят:

1. *Тезис* – положение, высказывание, которое необходимо опровергнуть.

2. *Аргументы* – положения, истинные суждения, при помощи которых опровергается тезис. Аргументы выступают основанием опровержения.

3. *Форма опровержения*, или *демонстрация* – логический способ связи аргументов и тезиса опровержения. Опровержение может иметь два вида:

3.1. *Прямое опровержение* тезиса означает обоснование ложности тезиса и истинности антитезиса. Оно начинается с допущения истинности опровергаемого тезиса. Из него выводятся следствия. («Пусть то, в чем вас обвиняют, – истина. Но тогда должны быть следствия...» – это ход рассуждения по логике опровержения). Затем устанавливается несоответствие хотя бы одного из следствий действительному положению вещей или ранее доказанному. («Но эти следствия отсутствуют или противоречат фактам...»). На основании чего из ложности следствия заключают о ложности основания, т.е. допущении истинности тезиса. Значит, тезис ложен, т.е. *опровергнут*.

Поэтапно это выглядит следующим образом:

- а) необходимо опровергнуть тезис А;
- б) допускаем, что А – истинно;
- в) из А получаем следствия, одно из которых (В) – ложно, т.е. не – В;
- г) от ложности следствия заключаем о ложности основания.

Нетрудно заметить, что прямое опровержение и косвенное доказательство связаны по смыслу. Например, опровергнуть обвинение в убийстве оз-

начает доказать невиновность и, наоборот, доказать вину означает опровергнуть невиновность.

Прямым опровержением будет следующее рассуждение: «Предположим, что он действительно совершил кражу. Но в этом случае должны быть следы преступления, мотив, орудие. Ничего этого нет. Значит, нет и состава преступления».

Кроме опровержения тезиса могут быть опровергнуты также аргументы и демонстрация. При опровержении аргументов устанавливается их ложность. Ложность аргументов не означает ложности тезиса, однако указывает на некорректность операции опровержения. При опровержении демонстрации выявляется неправильность связи аргументов и тезиса. Опровержение демонстрации также не означает опровержения тезиса. Однако очевидно, что правильность демонстрации влияет на корректность опровержения в целом. В мышлении и языке познавательное значение опровержения чрезвычайно велико, ибо с помощью данной логической операции удастся сократить количество ложных высказываний и заблуждений.

Правила и ошибки доказательства и опровержения

Корректность доказательства и опровержения достигается соблюдением правил, адресованных отдельно тезису, аргументам и демонстрации. Чтобы было нагляднее, что нарушение правил влечет появление определенной логической ошибки, сведем их в общую таблицу.

Знание правил аргументации, а главное - умение их использовать в практике общения, различного рода коммуникативных действиях составляет важный компонент логической культуры мышления личности. Ее культивирование и развитие следует рассматривать как необходимую предпосылку выработки человеком осознанной жизненной позиции.

Тип правил	Правило	Ошибка
1	2	3
<p>I. Правила тезиса</p>	<p>1. Тезис должен быть <u>точно, ясно, однозначно сформулирован</u> (в соответствии с законом тождества). Успех разговора, дискуссии, исследования в значительной степени зависит от формулировки тезиса, от того, насколько правильно в языке выражен логический смысл тезиса</p> <p>2. Тезис должен оставаться <u>одним и тем же</u> на протяжении всего доказательства или опровержения (также в соответствии с законом тождества)</p>	<p>1. Ошибка <u>«двусмысленности тезиса», «неясности того, что доказывается или опровергается»</u>. Например, доказывать или опровергать тезис «Грибы ядовиты» трудно, т.к. не определена количественная сторона суждения</p> <p>2. Ошибка <u>«подмены тезиса»</u>. Часто, начав доказывать один тезис, на самом деле доказывают другой, <u>сходный</u> тезис. Мы уже знаем, что сходство – общность несущественного. Так, начав доказывать, что некий студент не ломал компьютер, иногда доказывают тезис: «он в жизни не брал чужого»</p>
<p>II. Правила аргументов</p>	<p>1. Аргументы должны быть суждениями <u>истинными</u> и не противоречить друг другу</p> <p>2. Аргументов может быть много, но их число должно быть конечным и <u>достаточным</u> для доказательства тезиса</p>	<p>1. Ошибка <u>«ложного основания»</u> или «ложной посылки». Она может быть следствием незнания или преднамеренной ошибки (специально «подогнанная» статистика, ложные показания). Часто в индуктивном рассуждении в качестве аргументов приводят «пример», «случай из жизни», «аналогичную ситуацию»</p> <p>2. Ошибка <u>«поспешного доказательства или опровержения»</u>, «предвосхищения доказательства или опровержения». Когда приведенный аргумент на самом деле лишь подготавливает обоснование тезиса или касается его части. Так, начав доказывать ценность своей дипломной работы, студент аргументирует это тем, что она понравилась всей группе, что он писал ее год и не прогуливал занятий</p>

1	2	3
		<p>В логике не считаются корректными аргументы:</p> <p>а) <u>ссылка на авторитет</u>. Ссылка на мнение крупных авторитетов еще требует доказательства, ибо они не могут быть компетентны во всем, да и знания меняются со временем;</p> <p>б) <u>довод к личности</u>. Вместо того, чтобы опровергать сказанное кем-то, начинают обсуждать автора; причем, в случае доказательства личность может «приукрашиваться», а в случае опровержения – подвергаться тотальной критике;</p> <p>в) <u>довод к публике</u> – апелляция к чувствам слушающих, эмоциональное воздействие через указание на материальные интересы, «финансовое положение» и т.д.;</p> <p>г) <u>«игра на чувствах»</u> – тщеславия, жалости и т.д. Такой аргумент часто начинается со слов: «Вы же умный человек, значит, согласитесь...» или «Такой тонкий человек, как Вы, не может отрицать...»;</p> <p>д) <u>апелляция к силе, угроза последствиями в случае несогласия, отказа и т.д.</u></p>
	<p>3. Истинность аргументов должна быть доказана независимо от тезиса. Сколько бы длинным не было доказательство (полисиллогизм, эпихейрема), его посылками должны быть истинные суждения</p>	<p>3. Ошибка называется <u>«кругом в доказательстве»</u>, когда смысл тезиса раскрывается через аргументы, а аргументы поясняются через тезис. Так, доказывается тезис «лабораторная не сдана» и аргументируется тем, что «пропускал занятия». В ответ студент доказывает, что «пропускал занятия», т.к. «лабораторная не сдана»</p>
<p>III. Правила демонстрации</p>	<p>1. Любая логическая форма связи аргументов и тезиса должна быть правильной. Разные виды демонстрации (дедуктивные, индуктивные) влияют на логический статус доказательства или опровержения</p>	<p>1. Ошибка <u>«мнимого следствия»</u>, <u>«видимости доказательства»</u>. Сюда относятся все ошибки выводного знания:</p> <ul style="list-style-type: none"> - неправильного модуса силлогизма; - поспешного обобщения; - ложной аналогии и др.

2 Белорусская социокультурная синергия в контексте исторических вызовов и ответов

2.1 Вызовы и ответы в процессах социокультурной динамики

История любого народа уникальна. Ее своеобразие определяется множеством взаимосвязанных и взаимодействующих факторов. Их можно разделить на две группы: внешние и внутренние. К первым относятся природа и социокультурное окружение. Природа накладывает свой отпечаток на виды и способы хозяйственной деятельности, профессиональную структуру общества, типы жилища, одежду, образ жизни людей, формы правления и т.д.; в существенной мере определяет ментальность народа, обнаруживаясь в его социальном характере, психологии, архетипах, мифах, сказках, фольклоре, обрядах, празднествах и т.д. Государства, этносы, их культуры – это то социокультурное окружение, с которым данная социальная общность взаимодействует, т.е. находит и дает ответы на идущие извне вызовы (политические, военные, духовные). Аналогичным образом общество действует и по отношению к вызовам, порождаемым его внутренними противоречиями (демографическими, политическими, религиозными, национальными и др.) «Снимаемая» их, социум обретает внутреннюю устойчивость, динамизм и увеличивает свой адаптационный потенциал в ситуациях разновекторного давления.

Поиск адекватных ответов на внешние и внутренние вызовы связан в первую очередь с деятельностью творческого меньшинства (в современной терминологии – национальных элит). Опыт истории свидетельствует, что далеко не всегда такая деятельность оказывается успешной. Многие великие империи и государства далекого и недавнего прошлого ушли в небытие именно потому, что так и не сумели дать ответы на вызовы своего времени. Достаточно вспомнить исторические судьбы Рима, Византии, Речи Посполитой, Советского Союза. В других случаях внешние импульсы, инициируя активность национальных элит, становились весьма эффективным источником социального обновления. Примеры подобного рода можно найти в истории многих стран и цивилизаций – Китая, Индии, Японии, исламского мира, России и других. Наибольший динамизм этот процесс набрал в последние несколько столетий в результате экспансии (давления) Запада на весь остальной мир.

Не входя в анализ всей сложности, противоречивости и неоднозначности данного процесса, отметим следующее: сегодня, ассимилируя внешние социокультурные ценности (идеи, институты, технологии, способы управления, формы организации труда), Запад и Восток, старые и молодые этносы ведут активный диалог, двигаясь по пути создания единой информационно-компьютерной цивилизации. На этом пути возникают новые вызовы – экологические, демографические, социально-политические, техногенные, духовные и т.д. Их особенность в том, что они носят характер глобальных угроз, чреватых непредсказуемыми последствиями не только для судеб человечества, но и биосферы нашей планеты. В этих условиях успешность ответов на них во многом зависит от скоординированности и кооперативности действий международного сообщества на всех уровнях его организации – как гло-

бальном, так и региональных. Свой вклад в этот процесс призвана внести и Республика Беларусь.

2.2 К вопросу об экспликации исторических предпосылок и теоретико-методологических оснований анализа отечественной социокультурной синергии

Как этнос белорусы входят в более широкие метаэтнические сообщества: восточнославянское (вместе с русскими и украинцами) и славянское. Проникновение славян на территорию современной Беларуси началось в VI-VII вв. н.э., заселенной в то время балтскими племенами. В последующие столетия происходит массовое расселение племен пришельцев, сопровождавшееся ассимиляцией и вытеснением аборигенов на север. В IX ст. на базе таких племенных сообществ, как кривичи, дреговичи и родимичи, возникают первые протогосударственные объединения с центрами в Полоцке, Турове, Витебске. Данные племена сыграли важную роль в формировании восточнославянского этноса и его территории, получившей общее название «Русь».

Однако первоначально этот термин был именем небольшой и быстро ослабленной группы знати скандинавского происхождения – «варягов», отличавшихся колоссальным пассионарным порывом. С утверждением их власти данный этноним распространился вначале на местное среднеднепровское население (полян), его территорию и культуру, а вскоре и на жителей земли созданного ими восточнославянского государства, кое стало именоваться Киевская Русь. К IX в. в ее состав были включены территории, заселенные кривичами, дреговичами и родимичами.

Рамки обширного и мощного государства благоприятствовали цивилизационным процессам – и прежде всего возникновению и росту городов. В X – XII ст. основываются Брест, Витебск, Волковыск, Гродно, Логойск, Минск, Орша, Пинск и другие города. Политическая реформа Владимира, в соответствии с которой великими князьями отдельных «регионов» могли быть только сыновья или родственники великого Киевского князя, проводимая ими политика «русификации», способствовала сближению восточнославянских племен и вело к формированию общих черт в их культуре, социальном характере и языке. Мощным фактором духовной интеграции населения формирующегося молодого государства стало крещение Руси в 988 г. по греко-византийскому (православному) обряду. Прежние названия племен (кривичи и другие) постепенно выходят из употребления (последнее упоминание в летописи – в 1141 г.). Повсеместно утверждается новое название народа – русские, а государства – Русь.

Данный политоним, укоренившись, сохранился и в период феодальной раздробленности Руси, когда ее население, в т.ч. белорусских земель, проживало в самостоятельных княжествах-государствах. В XIII в. он вошел в название нового государственного объединения, частью которого стала и территория Беларуси – Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Соответствующим был и титул великих князей. Данное название было обусловлено прежде всего этническим многообразием населения Великого княжества Литовского (ВКЛ). К тому же и сами «русские» отнюдь не являлись

гомогенной общностью. Они различались языковыми диалектами, обрядами, вероисповеданиями (жители западных регионов дольше других оставались язычниками) и даже фенотипически. Так, обитатели Попрпятыя были низкорослыми и черноволосыми, а Принеманья и Подвинья – высокорослыми, светловолосыми и светлокожими. Собственно, территория расселения последних и получила название Белая Русь (с XIII в.), а ее жители стали именоваться «белорусцами». С течением времени произошло распространение данного этнонима и на другие регионы, включая смоленские и некоторые московские земли.

Так, конспективно, выглядят некоторые существенные моменты генезиса отечественной истории. Вместе с тем в белорусской историографии нет единства мнений как об истоках и факторах происхождения собственно белорусов (существуют «финская», «балтская», «древнерусская» и другие гипотезы¹), так и относительно времени формирования и эволюции их этнического сознания. Т.Н. Микулич, например, отстаивает тезис, согласно которому этническое самосознание белорусов сформировалось не ранее XIX ст.² М.Ф. Пилипенко полагает, что оно возникло еще во времена позднего средневековья вместе с белорусским языком.³ Я.Ф. Карский главным фактором формирования белорусского этноса считал политический: возникновение ВКЛ обусловило консолидацию социума и тем самым стимулировало развитие национальной культуры и языка.⁴ В.И. Пичета, разделяя эту точку зрения, подчеркивал также роль экономического контекста в процессах этнической интеграции.⁵ В.В. Седов ключевыми в этом процессе считает два исторических события: а) экспансию славян на балтскую территорию и б) полонизацию ВКЛ.⁶

Однако с современной методологической точки зрения представляется, что акцентирование одного или нескольких факторов в качестве определяющих этногенез и генезис этноса народа требуют определенной коррекции.

Общество – это многомерное пространство (территориальное, геополитическое, экономическое, социальное, ментальное и т. п.) самоорганизации людей, реализующейся через систему многовекторных действий – как институциональных, направленных на оптимизацию функционирования социума в качестве целостности, так и неинституализированных, спонтанных, ориентированных на удовлетворение партикулярных интересов социальных групп и отдельных индивидов. Действия первого рода обнаруживают себя в деятельности государства и различных его институтов – политических, правовых, идеологических, образовательных и других, церкви, а второго – в частной инициативе людей. В своей совокупности они образуют континуум ответов того или иного социума на идущие извне и изнутри вызовы. По своему со-

¹ См. их обзор: Беларусы. Вытокі і этнічнае развіццё. Т. 4 Мн., 2000. С. 6 – 8.

² Микулич Т.А. Этнологические процессы и системы национального самосознания. Мн., 1991. С. 17.

³ Пилипенка М.Ф. Змест і формы першапачатковай этнічнай самасвядомасці беларускага народа // Беларусіка. Кн. 2. Фарміраванне і развіццё этнічнай самасвядомасці беларусаў. Мн., 1992. С. 70 – 73.

⁴ Карский Е.Ф. Введение в изучение языка и народной словесности. Вильно, 1904. С.113 – 114.

⁵ Пичета В.И. Образование белорусского народа // Вопросы истории. 1946. № 5 – 6. С. 19 – 20.

⁶ Седов В.В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 182, 192.

держанию ответы могут быть направлены либо на сохранение существующего статус кво, либо на его преобразование. Разумеется, противопоставлять их резко и абсолютно не следует, поскольку любое общество является открытой системой, способной при соответствующих условиях к трансформациям.

Социум – это синергетический объект, функционирующий в режиме многовекторных обменов с окружающей средой, а его эволюция (или инволюция) представляет собой нелинейную, стохастическую последовательность сменяющих друг друга состояний стабильности, порядка (организации) и дезинтеграции (хаоса). Наиболее «чувствительным» к идущим извне и изнутри вызовам социум становится в ситуациях кризисов (т.е. в периоды социальных катастроф, вызванных войнами, революциями, смутами, разужеренностью людей в прежних богах и т. п.). В подобные моменты исключительное значение приобретает свобода личности, ее идеи и дела, единичные события, которые «запускают» механизм самоорганизации. Если он «срабатывает» до конца, то захватывает все сферы и уровни общественной жизни, выводя социум в новое культурно-историческое измерение (не всегда, однако, более высокое). В отечественной истории к числу подобных «точечных» событий можно отнести подвижническое духовно-нравственное служение Е. Полоцкой, эгоистические устремления Ягайлы, реформационно-гуманистическую деятельность Ф. Скорины, гражданско-патриотическую позицию Л. Сапеги, унию с Польшей и т.д. Все они оказали серьезное, хотя и разное по своим последствиям влияние на направленность и особенности развития отечественной истории и культуры.

Процессы социальной самоорганизации могут протекать как стихийно, спонтанно, так и целерационально, т.е. в тех границах, которые полагаются соответствующими институтами (например, правовыми: разрешено все, что не запрещено законом; традицией: дозволено все, что не выходит за рамки обычая и ритуала и т.д.). Соотношение между стихийными и институализированными «моментами» процессов самоорганизации в различные исторические периоды («организации» или «хаоса») одного и того же общества, а также в разных типах социумов может существенно варьироваться. Очевидно, что в традиционных обществах (или современных тоталитарных) возможности для индивидуальной или групповой самодеятельности (инновационных действий) жестко регламентированы; в демократических же такие возможности защищаются законом. Оптимальное сочетание данных «моментов» предполагает такое их динамическое равновесие, при котором сходились бы интересы целого (общества) и отдельного (личности).

Изложенное можно обобщить в терминах социально-философской рефлексии. С точки зрения диалектики любое содержание предполагает наличие определенной формы (его «оформленность»). Последняя, как известно, не сводится только к внешним проявлениям, оболочке того или иного феномена, но выступает прежде всего как внутренний системообразующий и структурирующий содержание принцип (закон). В жизни этносов такими принципами, определяющими их исторические судьбы, могут быть религия (самый впечатляющий пример – евреи), язык и традиция (цыгане), либо, что

чаще всего – государство. Последнее является наиболее универсальной и эффективной из таких форм, поскольку для структурирования содержания общественной жизни использует не только «естественные» механизмы самоорганизации (установки общественной психологии, язык, традиции), но и «искусственные» – от социально-культурных учреждений до силовых институтов.

2.3 Белорусская социальная и духовная синергия в XIII – первой половине XVII столетий

XIII – XIV ст. – это время начала собственно белорусской истории, т.е. формирования белорусского этноса и государства. Данный процесс в существенной мере был инициирован новыми внешними вызовами – агрессией с юга (татары) и севера (крестоносцы). В такой ситуации естественным оказалось смещение географической точки роста молодого этноса в центральную часть его расселения – приеманский ареал. Административным центром края становится Новогрудок. Параллельно с ростом «старых» городов возникали новые: Лида, Слоним, Несвиж, Речица и др. Перед лицом новых угроз, а также на основе сложившихся ранее хозяйственных связей, быстро идет процесс объединения белорусских земель с соседними, прежде всего литовскими, завершившийся возникновением нового интегрированного государства – Великого Княжества Литовского со столицей в г. Вильно (с 1323 г.).

ВКЛ к началу XV в. – одно из крупнейших государств Европы (его территория простиралась от Балтийского моря на севере до Черного на юге) и состояла из ряда отдельных земель – Новогрудской, Полоцкой, Витебской, Смоленской, Киевской, Волынской и других. Каждая из них обладала значительной автономией и стремилась к сохранению традиций. Принцип «старинны не рухати» вел, однако, к автаркии, политической и экономической разобщенности разных регионов и тем самым к слабости государства. С укреплением власти великого князя в XV – XVI вв. княжества ликвидировались, а вместо них создавались воеводства – Полоцкое, Менское, Берестейское, Витебское, Троцкое и другие. Параллельно с политической консолидацией центральная власть активно проводила политику юридическо-правовой интеграции своих земель, что нашло свое выражение в трех знаменитых Статутах ВКЛ (1529, 1566, 1588). Это стимулировало развитие в том числе внутригосударственных экономических связей, торговли, способствовало формированию единого рынка. Важную роль в этом интеграционном процессе играли города. В наиболее крупных из них проживало от 8 до 20 тыс. человек, а в Полоцке – крупнейшем урбанистическом центре Беларуси XV в. – около 30 тыс. Важным фактором политико-экономической интеграции страны стало введение в обращение на всей территории ВКЛ с первой трети XVI в. собственного денежного знака. Им стал литовский полугрош, сменивший денежные единицы сопредельных стран, которые ранее ходили в смежных с ними регионах ВКЛ. На XVI ст. приходится также экономическая реформа в сельском хозяйстве, инициированная Б. Сфорца (супруга Жигимонта I Старого). Тем самым были созданы предпосылки для повышения эффективности сельскохозяйственного производства, стимулирования социальной мо-

бильности крестьянства, изменений в социальной структуре общества в целом. Так, в XV – XVI ст. именно за счет преуспевающих свободных земледельцев шло активное пополнение шляхетского (дворянского) сословия.

Институализация политических процессов в Великом Княжестве Литовском была направлена на создание эффективного и независимого государства. Один из центральных «моментов» данного процесса заключался в проблеме устройства государственной власти. Разрешена она была в пользу разграничения полномочий между центром и регионами. Полномочия великого князя изначально ограничивались традицией, основанной на народном – вечевом – волеизъявлении, а также презумпции выборности князя и предполагавшей широкую политическую автономию региональных правителей. После упразднения княжеств в ВКЛ по польскому образцу вводится система шляхетского поветового самоуправления с поветовыми соймами, судами и парламентским представительством. Паны-рада из состава высшей магнатории княжества образовывали конститутивный орган, ограничивающий *de jure* и *de facto* права великого князя, ими же избираемого. Принципиальное значение имела также юридическая гарантия прав подданных (шляхты) на неприкосновенность личности, землю, собственность, старинные привилегии. Таким образом, диктатура монарха исключалась и для ВКЛ была неприемлема. По сути, Княжество с точки зрения социально-политической организации представляло собой местный вариант средневековой аристократической республики. При определенных исторических обстоятельствах она вполне могла бы эволюционировать в сторону демократизации своих институтов.

Существенные предпосылки для этого были заложены в организации и характере городской жизни. Крупные белорусские города в рамках общеевропейской традиции городского самоуправления с конца XIV в. начинают получать грамоты великих князей на Магдебургское право (Вильно – с 1387 г., Брест – 1390, Слуцк – 1441, Гродно – 1496, Минск – 1499 и т.д.). Согласно его нормам, жители городов выбирали органы самоуправления во главе с бургомистром, суд, комиссии по контролю за деятельностью торгово-ремесленных цехов. Магдебургское право освобождало горожан от личной зависимости, способствовало их консолидации и формированию в известных пределах правосознания.

Подобные интенции развития социально-политической синергии белорусского социума были вполне конгениальны аналогичным процессам в передовых странах Европы того времени, с одной стороны, и принципиально отличались от практики государственного строительства в соседней Московии, – с другой.

Своеобразным, даже уникальным, было положение и роль в процессах социальной и духовной самоорганизации белорусского этноса церкви. На территории Беларуси вначале доминировал византийский вариант христианства. Литва же оставалась языческой до конца XIV ст. Принятие ею христианства в форме католицизма было, по сути, политическим актом, который, во-первых, был направлен против тевтонов (последние свою агрессию против славян и балтов прикрывали лозунгом борьбы с язычниками), во-вторых, он открывал Ягайле путь к польской короне. Став королем Владиславом II,

новоиспеченный глава белорусско-литовско-польской конфедерации (образованной согласно Кревской унии 1387 г. для отражения угроз с юга (орды) и севера (тевтонов), в угоду местному польско-ориентированному полити-ческому и духовному «истеблишменту» стал проводить политику ущемления прав православного населения, насильственного насаждения католицизма. Это спровоцировало межконфессиональные столкновения и вызвало первое серьезное напряжение в новом государственно-политическом объединении. Активное противодействие такой политике со стороны гродненского князя Витовта привело в итоге к формальному уравниванию в 1432 г. прав католиков и православных. Хотя скрытые и явные столкновения между ними продолжались до середины XVII в., ослабляя государство и хаотизируя жизнь конфедеративного сообщества.

Однако на определенный период, XV – первая половина XVII ст., в стране установилась относительная веротерпимость. Духовным лидером православных был митрополит Киевский и всея Руси, соборно избираемый из числа местного духовенства. Автокефальная (т.е. независимая в вопросах вероучения и культа) белорусская православная церковь, тесно связанная с местными традициями, жизнью народа выполняла важную консолидирующую роль в обществе. Церковь владела значительной собственностью в виде земли, недвижимости, средств идеологического влияния (школы, типографии, «братства» и т.п.). Не являясь государственной по своему статусу, она обладала авторитетом в обществе не только в силу своей «историчности», но и благодаря рдению за национально-государственные интересы, что находило поддержку со стороны магнатов – ее главных опекунов и меценатов.

Однако уже к середине XVI ст. она начала явно отставать от вызовов своего времени. Свидетельством тому стал факт широкого распространения на белорусских землях протестантизма. К концу XVI в. у нас было около 200 кальвинистских храмов. Права протестантов были уравнены с правами верующих других христианских конфессий.⁷ Неофитами нового вероисповедания были представители известнейших магнатских родов ВКЛ – Радзивилы, Хадкевичи, Сапеги, Нарушевичи и другие, что автоматически влекло за собой религиозно-конфессиональную переориентацию их «подданных» – зависимых крестьян и дворни. Так, во владениях Радзивила Черного по приказу князя было закрыто 190 католических костелов, а их земли секуляризованы⁸. Распространяли идеи реформации Ф. Скорина, С. Будный, А. Волан, В. Тяпинский, Л. Крышковский и другие мыслители. Поддержка кальвинизма высшим сословием была в то время энергичной формой протеста знати ВКЛ против усиливавшегося польского влияния, которое в значительной степени шло через костел, и тем самым, способом отстаивания независимости страны.

Во второй половине XVI в. в Европе вздымается волна контрреформации, организованной Ватиканом, докатившаяся и до ВКЛ. Польский костел, поддерживаемый светской властью и орденами (прежде всего иезуитами), стремится воспользоваться благоприятной геополитической обстановкой и

⁷ Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы. Мн., 1972. С. 45.

⁸ Пичета В.И. Белоруссия и Литва в XV – XVI веках. Мн., 1967. С. 628.

взять реванш за утраченные позиции в Великом княжестве. Серьезную помощь, *volens-nolens*, в этом предприятии ему оказывает православная Россия. Потерпев ряд военных неудач в столкновении с восточным соседом и утратив при этом смоленские земли, правящие круги ВКЛ, выбирая из двух зол, как им казалось, меньшее, пошли на подписание неравноправного договора с Польшей, заключив Люблинскую унию (1569). Согласно новому договору, конфедерация преобразовывалась в федерацию – Речь Посполитую – с единым королем, соймом и правительством. Подобного рода перспектива вполне устраивала мелкую и среднюю шляхту и активно ею поддерживалась, поскольку статус последней в государственно-политической жизни Польши был выше, чем в ВКЛ. Однако полное слияние двух государств не входило в планы и не соответствовало интересам магнатов Беларуси и Литвы, что, собственно, и нашло свое отражение в последней редакции Статута Великого княжества Литовского от 1588 г., законодательно закрепившего территориальный, государственно-политический, финансовый, военный и лингвистический суверенитет белорусско-литовского государства.

Однако это не остановило экспансию католицизма. Берестейская религиозная уния (1596 г.) положила начало новому повороту (перевороту?) в религиозной жизни и религиозном сознании белорусов. Через несколько поколений верующими «по-униатски» стали три четверти населения страны, далее по численности шли католики (13 %), евреи (7 %), православные (6,5 %) и представители иных религиозных конфессий.⁹ Насаждение униатства было, по сути, политическим актом, имевшим целью «бархатную» инкорпорацию ВКЛ в состав Короны, дезинтеграцию этнического сознания белорусов (а они после заключения Люблинской унии, согласно данным польского исследователя Г. Лаумянского, стали составлять 80 % населения ВКЛ, поскольку земли и жители Украины и Подляшья отошли к Польше¹⁰), раскол белорусского общества на две чуждые одна другой сословно-классовые группы – «верхи» и «низы», что, собственно, и произошло.

Таким образом, национальная церковь в отечественной истории не смогла сыграть роль консолидирующей и интегрирующей общество силы, как это было в истории Греции, Болгарии, Сербии, России и других стран. Случилось нечто беспрецедентное: «родная» религия оказалась вытесненной на периферию духовной жизни общества. Это наложило свой негативный отпечаток на процессы белорусской духовной синергии, в т.ч. на формирование этнического сознания.

Упадок влияния и авторитета православной белорусской церкви, бывшей в течение столетий одним из важнейших духовных факторов самоидентификации белорусов, шел параллельно с ослаблением белорусской государственности (один лишь штрих: на соймах Речи Посполитой среди 180 послов, избираемых по всей стране, от ВКЛ было представлено только 46, из них белорусов – 34¹¹). Однако дело не только во внешних обстоятельствах, но и в политике самой церкви, способах и формах ее связи с народом, отношении

⁹ Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1989. С. 66

¹⁰ Цит. по: Беларусы. Т. 4. С. 63.

¹¹ Беларусы. Т. 4. С.59.

к его языку. Эта причина явно недостаточно акцентируется в современных исторических исследованиях.¹²

Как отмечалось выше, средоточием белорусского этногенеза стал центральный регион Беларуси. Именно здесь стал формироваться белорусский язык через синтез диалектов «полешуков» и «белорусцев», а также ассимиляцию наречий ближайших соседей. Активно заимствовались литовские слова («куль», «кумпяк», «лайдак», «шашок», «швагер»); тюркские («аршин», «товар», «кабан», «атаман», «колпак», «ямщик», «халва»); балтские («клуня», «дойлид», «свиран» и другие. Всего же балтские племена оставили нам в наследство около 200 топонимов и гидронимов, много имен). Но особенно большое влияние на язык и культуру белорусов оказали поляки в связи с сближением ВКЛ со своим западным соседом после Кревской унии (1386 г.). Оно проявилось в названиях новых населенных пунктов (Ляховцы, Ляхи, Ляховичи, Ляховщина и т.п.), где на наших землях основывалась мелкая польская шляхта и служивый люд, распространении польских имен (Казимир, Станислав, Ян, Чеслав и другие), заимствовании новых слов («абавязак», «кашуля», «будаваць», «менавита», «моц» и т.д.), замене юлианского календаря григорианским, и last, but not least, экспансии католицизма.

Рост и укрепление этнического самосознания белорусов в решающей степени были связаны с формированием национального языка. Уже при князе Ольгерде (1345 – 1377) он становится не только средством межэтнического общения, но и служебного делопроизводства. Этот его статус затем официально закрепляется в Статутах. Возникает белорусский литературный язык. На нем писались летописи («Летописец великих князей литовских»), вершилось судопроизводство, издавались юридические документы и т.д. На языке, близком к древнебелорусскому, была издана Библия Ф. Скорины.

Вместе с тем нужно различать грамматические, лексические и семантические особенности литературно-канцелярского языка, который базировался на старославянском, имел общегосударственный статус и нес в своем тезаурусе много заимствований, и собственно народный белорусский язык тех времен, который представлял собой некоторое множество местных диалектов и говоров.¹³ Подобный лингвистический разрыв – явление, в принципе, типичное в культурной истории народов Европы. «Там» он был преодолен к XVIII – XIX ст. на основе синергизма высокой (профессиональной) и народной (фольклорной) культур благодаря демократизации общественной жизни, широкому развитию образования на национальных языках, переходу науки с латыни на национальные языки, переводу на местные языки практики богослужений и т.п. У нас данный процесс пошел по-иному – по линии усугубления разрывов социальной и духовной синергии.

Одна из причин – противодействие со стороны «своих», причем как светских правителей и интеллектуалов, так и православной церкви. Князь К. Острожский, в пику Скорине, издает Библию на мертвом старославянском языке. Ю. Радзивил, вопреки вере и делам отца Радзивила Черного – мецената белорусского Возрождения, становится католическим епископом, пресле-

¹² В.Святагор. Праваслаўная царква на Беларусі // Спадчына. 1997. № 2.

¹³ Шакун Л.М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мн., 1963. С. 17 – 21.

дует гуманистов, закрывает белорусскоязычные школы, типографии, сжигает книги.¹⁴ М. Смотрицкий свою знаменитую «Граматику» создает, опираясь на книжный церковнославянский язык. Это означало, ни много ни мало, отсечение школы, образования и просвещения от жизни, от основной массы народа. На старославянском языке можно молиться, но на нем нельзя общаться, развивать литературу и философию. Скованное мертвой формой, белорусское литературное слово вскоре оказалось неконкурентоспособным. Во второй половине XVII – XVIII вв. из белорусских типографий не вышла ни одна светская книга.

Чуждой живому народному языку оказалась и белорусская православная церковь. Традиции творческого переосмысления «греческой веры»: антидогматизм, определенное свободомыслие, поиск собственной церковно-духовной идентичности, независимость от светских властей, свойственные первоначальному периоду ее становления, к XVI в. обрываются. Право на истину предписывается только «отцам церкви». Подвергся преследованиям за инакомыслие известный просветитель тех времен А. Смоленский. С. Зизаний, издавший катехизис на белорусском языке, был обвинен в ереси. Стоглавый собор православного духовенства (XVI в.), в котором принимали участие и белорусские епископы, осудил как вредную ересь издание «Логик» на белорусском языке.

В наступивших затем трудных для православной церкви временах, в ситуации борьбы за выживание (т.е. в условиях конкуренции с иными христианскими конфессиями, когда некоторые из них – протестантизм и униатство – использовали в проповедях и богослужебной практике близкий народу язык), в режиме неблагоприятствования со стороны Короны и Костела Речи Посполитой она оказалась неспособной к внутренней трансформации. Ортодоксально-догматическая тенденция взяла верх над либерально-национальной. От окончательного краха белорусское православие спас раздел Польши и директивное восстановление в правах указом Николая I. Впрочем, это была уже другая церковь – идеологический институт российского самодержавия, ориентированный властью на проведение в жизнь интересов Империи.

Акцентируем проблему языка в процессах становления национального самосознания еще раз, но уже в более широком контексте. «Ядром» духовной синергии традиционных обществ являются сакральные интуиции пророков, оформляющиеся с течением времени в соответствующих книгах (Веды, Авеста, Библия, Коран и другие). Эксклюзивный статус при этом приобретают их языки (санскрит, пали, фарси, латинский, греческий, арабский). С распространением религий «вширь» языки Писаний десакрализируются. Уяснение нетождественности формы и содержания религиозного сознания в Европе происходит во времена Реформации. Следствием стала легитимизация национальных языков и превращение их в субстанциональный фактор развития этнических культур, в т.ч. литературы, философии, науки, теологии и т.д. В восточнохристианской традиции это произошло значительно раньше, когда

¹⁴ Грыб Т. На два франты? Галоуныя засады вызвольнай праграмы беларускага народу // Спадчына. 1995. № 4. С.7.

Кирилл и Мефодий изобрели славянский алфавит и перевели Библию на староболгарский язык. Однако последствия в данном случае были иными. В Киевской Руси, крещеной по греческому образцу, этот язык канонизируется, объявляется ортодоксальным и становится языком богослужений и церковной грамоты, существуя параллельно с живыми наречиями народов. Подобного рода размежевание сохранилось и потом – во времена ВКЛ. Попытку «снять» это противоречие в духе своего времени предпринял Ф. Скорина. Однако, как отмечалось выше, она не нашла поддержки ни у церковных иерархов белорусской автокефальной церкви, ни у светских властей. В итоге живой, разговорный, развивающийся на фольклорной и практико-жизненной основе народный язык оказался не подкрепленным авторитетом Священного Писания, а потому, в итоге, и вынесенным «за скобки» развития высокой культуры и государственной политики.

Анализ, таким образом, свидетельствует, что становление белорусского этноса, его самосознания происходило при весьма неблагоприятном историческом стечении обстоятельств. Институциональные и спонтанные факторы социальной синергии средневекового белорусского общества вместе сходились не часто, поэтому резонансные эффекты синергизма (в виде, например, взлета национальной культуры и архитектуры в эпоху Ренессанса) можно наблюдать лишь в кратковременные периоды отечественной истории. По большей же части процессы этнической самоидентификации были связаны со спонтанным народным творчеством, питаемым традицией, а также потребностями самоорганизации в ситуациях внешних вызовов.

Одним из показателей самобытности народа, его самосознания является наличие этнонимических определений, складывающихся из самоназваний (так называемых эндоэтнонимов) и названий со стороны соседей (экзоэтнонимов), а также урбанизмов (названий жителей городов), этниконов (узколокальных названий), конфессионализмов (названий на основе принадлежности к той или иной конфессии) и политонимов (по критерию государственного подданства).

Этнонимические формы самосознания являются (при всей их вариативности) результатом осмысления людьми своего единства в границах различных социальных общностей – сельской, городской, сословной, государственной и т.п. на основе сопоставления себя с «другими», и фиксации (часто бессознательной) признаков демаркации «своих» и «чужих». Самым важным и принципиальным среди всех самоопределений является общее название народа.

Наиболее полные сведения о видах и способах самоопределения белорусов содержатся в различных исторических письменных источниках: летописях, хрониках, грамотах, юридических документах, переписке частных лиц и т.д. Судя по этим источникам, в те времена в Беларуси существовала сложная иерархическая система самоназваний населения. Самый узкий ареал принадлежности составляли жители отдельных сел и деревень. Далее шли самоназвания жителей городов и волостей; затем – самоопределения на основе земель (княжеств, воеводств). Общим основанием тут служили урбанизмы,

т.е. названия жителей местной «столицы»: могилевцы, случане, пинчуки, оршанцы и т.д.¹⁵

Заметим, что земляческое сознание было наиболее характерным для образованных белорусов того времени. Это можно видеть на примере Ф. Скорины, который постоянно подчеркивал свое происхождение из Полоцка. Объяснение этому факту кроется в том, что отдельные регионы ВКЛ обладали широкой политической и экономической автономией, что находило свое закрепление и в соответствующих юридических документах. Собственно белорусские земли и их жители также представляли собой относительно автономные субэтнические сообщества со своими характерными особенностями культуры, языка и самосознания. Поэтому не случайно, что земельные этнонимы (в качестве форм местной самоидентификации) отличались устойчивостью и были распространены как в самом Княжестве, так и за его пределами в XVI – XVII вв.

Наиболее широкой формой самоопределения являются названия «русины» и «литвины». Соотношение этих имен, их содержание и объем на протяжении XIV – XVI ст. менялось. Название с корнем «рус», как говорилось выше, восходит к временам Киевской Руси и было связано с экспансией Киевских князей (называвших себя «росами» или «руссами») на сопредельные территории, которые после их захвата объявлялись «русскими», равно как и население независимо от прежней племенной принадлежности. А поскольку параллельно шла христианизация язычников по православному (византийскому) канону, то они получали еще одно синонимичное «русским» название – «православные».

В летописях XII – XIII вв. население почти всех крупных белорусских городов уже называлось «русским». Вместе с тем при описании феодальных усобиц князей летописцы активно использовали и земельные этнонимы – «полочане», «туровцы», «изяславцы», «смоляне» и т.д.

Политический аспект понятий «Русь», «русские» акцентировался в продолжительном противоборстве великих князей Литовских и Московских за лидерство в деле объединения всех исторических «русских» земель. Отсюда название «всая Руси» в титулатуре высших светских правителей и религиозных иерархов обоих государств.

Сохранению названия «Русь», «русские» за белорусскими землями и ее жителями способствовал и тот факт, что после подписания Люблинской унии (1569) территория Украины отошла к Польше. А вот прежнее отождествление самоназваний «русский» и «православный» в связи с религиозными процессами в ВКЛ XV – XVI вв. утратило смысл. «Русскими» в тех условиях могли считать себя и католики, и протестанты, и униаты.

Этническое самосознание народа упрочивается благодаря контактам с иноэтничным населением. Ближайшими соседями белорусов были русские и украинцы, также считавшие себя «русскими». Чувство некоей специфики собственной идентичности побуждало русских противопоставлять себя белорусам и называть их «литвинами», акцентируя при этом их государственно-

¹⁵ См.: Литовская метрика. Книга записей. Т.1. Русская историческая библиотека. Т.XX. М., 1974. С. 128 – 348.

политическую принадлежность. Таким образом, «литвин» – это определение, которое шло от иноземцев и являлось прежде всего политонимом. Поэтому данный термин – наиболее широкий по объему и абстрактный по уровню репрезентации целого – народа, включавший в себя и литовцев-аукштайтов, распространялся также на представителей всех христианских конфессий в ВКЛ.

На этом уровне причисляли себя к целому (народу) и феодалы независимо от своего вероисповедания и этнического происхождения. «Мы и поляки, хоть и братья, - писал в письме к К. Радзивилу Л. Сапега, – однако совсем разных обычаев». И это написано, заметим, во время почти полной идеологической, конфессиональной, языковой и бытовой идентичности высшего сословия ВКЛ с польской знатью.

Укрепление данного названия произошло, как это ни странно на первый взгляд, во второй половине XVI в. после унии и возникновения Речи Посполитой. В ситуации начавшейся хаотизации белорусской духовной синергии, обусловленной всей совокупностью рассмотренных выше исторических факторов, именно магнаты остались единственными носителями государственно-политического сознания и своими действиями (чаще всего мало результативными) стремились отстаивать национальный суверенитет ВКЛ de facto. Однако без опоры на народ, поддержку «низов» успешными они быть не могли.

Наряду с этнонимами «русские» и «литвины» в качестве самобытной этнической формы самоопределения в XIII в. зародилась еще одна – «белорусцы» и связана она была с названием территории их расселения – «Белая Русь». Конституционное закрепление представления о собственном этническом своеобразии белорусов впервые получили в Статуте ВКЛ 1529 г.: «Мы, тутэйшыя, страна наша ни руска, ни польска, але забраны край».¹⁶

Трансформация данного названия в «белорусы» произошла во второй половине XVI в. и постепенно стала одним из определений (наряду с другими) местного населения. Однако данный факт не следует рассматривать как показатель роста и развития этнического самосознания. Скорее его можно отнести к объективной тенденции формирования европейских наций, когда жители отдельных земель, герцогств, графств и т.п., например Франции (бретонцы, бургундцы, гасконцы, провансальцы и т.д.), стали французами; Германии (баварцы, гессенцы, вестфальцы, саксонцы и т.д.) – дойч; Польши (куявы, мазовшане, бурали, шлензяки и т.д.) – поляками. Естественно, что этническое самосознание каждого из этих сообществ уходит своими корнями в глубокую древность. Аналогичные процессы можно проследить и у нас: «кривичи», «полочане», «туровцы», «русины», «белорусцы», «литвины», наконец, «белорусы».

«Подобное восхождение этнической самоидентификации, обогащение этнического самосознания, – как справедливо пишет Ю.В. Бромлей, – это итог объединительных процессов, показатель уровня консолидации различ-

¹⁶ Цыт. .: Юхо А.Я. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. С. 175

ных территориальных, этнографических, сословно-классовых, конфессиональных групп населения».¹⁷

Исходя из изложенного, думается, допустимо предположение, что несмотря на все сложности, противоречия и даже в чем-то «противоестественность» процессов этнической социальной и духовной самоорганизации, общее направление отечественной социокультурной динамики в XIV – XVI вв. в ряде существенных моментов совпадало с интенциями европейской истории.

Можно, однако, лишь рассуждать о том, как могло бы пойти развитие белорусского общества и культуры далее, если бы не катастрофические события последующих полутора столетий. Для белорусского народа они стали временем перманентных демографических катастроф и постепенной, но неуклонной утраты ВКЛ своего государственно-политического статуса.

2.4 Процессы белорусской этнической самоорганизации в период Речи Посполитой

Ко второй половине XVII в. Речь Посполита (РП) в силу недальновидной политики властей, стремившихся к консервации существующих порядков и сохранению привилегий высшего сословия, вступила в состояние системного политического кризиса. Он проявился в нарастающих внутренних противоречиях – политических, межэтнических, конфессиональных, сословно-классовых и других, периодически выливавшихся в кровопролитные гражданские войны. Внутренняя нестабильность усугублялась внешними вызовами. В 1654 – 1667 гг. РП пришлось вести затяжную войну с Россией, затем (1672 – 1676) с Османской империей, а в начале XVIII ст. она оказалась втянутой в многолетний военный конфликт России и Швеции (Северная война). Все эти события отразились на судьбах ВКЛ самым пагубным образом.

Колоссальные человеческие жертвы, разрушение городов, разрыв хозяйственных связей и подрыв экономики, голод, эпидемии, массовые миграции населения хаотизировали социальную и культурную жизнь общества. Это, так сказать, общие «издержки» военного лихолетья и гражданской смуты. Они еще более усугублялись кризисом власти внутри ВКЛ. Самые влиятельные кланы Княжества (Радзивилы, Хадкевичи, Сапегы, Пацы, Огинские, Вишневецкие, Кишки и др.) вели нескончаемую борьбу (в том числе вооруженную) за власть и влияние в стране. Эти конфликты, имевшие форму противоборства различных конфедераций (группировок) друг с другом, часто инспирировались и поддерживались Коронай с целью недопущения консолидации правящего сословия ВКЛ и, таким образом, блокировали сепаратистские устремления в его кругах.

Красноречивее всего о масштабах национальной катастрофы той поры свидетельствуют следующие цифры. В 1650 г. на белорусских землях проживало 2 875 тыс. человек (в Речи Посполитой – 11 млн). В 1667 г. (т.е. после окончания войны с Россией) – 1 337 тыс. Русско-шведская война стоила белорусам 700 тыс. жизней. К концу XVIII ст. (1772) в Беларуси проживало

¹⁷ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М. 1983. С. 173.

2 600 тыс. человек (в Речи Посполитой – 14 млн), т.е. на 275 тыс. меньше, чем 120 лет назад.¹⁸

Существенно подорванным оказалось сельское хозяйство – основа экономики страны: более 50 % земель не были вовлечены в хозяйственный оборот. Обезлюдели города. Мастерской люд насильственно вывозился в Россию. Особенно пострадали восточно-белорусские земли, численность жителей которых сократилась на 60 – 70 %.¹⁹ Даже в конце XVIII ст. мещанское сословие (жители городов) составляли всего лишь 11 % от общей численности населения белорусских земель.

Его восполнение шло во многом за счет иммигрантов, главным образом поляков, русских (старообрядцев), евреев. Селились они в основном в городах и местечках, составляя порой от 40 – 50 % до 60 – 70 % мещанского населения (в XIV – XVI вв. – 25 – 30 %). Естественно, что они несли с собой свой язык, религию, культуру, которые, собственно, и определяли этническое своеобразие того или иного города.

Вообще же со второй половины XVII в. мещанство – малочисленное и слабое в экономическом отношении – не придерживалось какой-либо осмысленной национальной тенденции.²⁰ Магдебургское право, не получая развития, из институции, ориентированной на формирование правосознания горожан, превратилось в охранительный свод норм отживающего свой век феодального уклада жизни и хозяйственной (цеховой) деятельности городов. Определенную динамику в их жизнь принесли с собой иноэтнические группы переселенцев.

Белорусское село жило в другом экономическом и социокультурном измерении. Будучи самой многочисленной группой населения, крестьянство к XVIII ст. оказалось абсолютно правобеззащитным, фактически на положении рабов,²¹ особенно после ликвидации копов – органов местного самоуправления. Данная несправедливость, к слову сказать, была формально выправлена в Конституции Речи Посполитой 1793 г. Однако в силу известных причин это особого значения уже не имело.

Ни мещанство, ни крестьянство в понятие «народ-нация» не входили. Эта привилегия принадлежала лишь шляхте (в Речи Посполитой на момент раздела она составляла от 10 до 12 % от всего населения страны, что на порядок больше, чем, например, в России того периода). Вместе с тем этот «народ» не отличался внутренним единством – у крупной, средней и мелкой шляхты были свои интересы, нередко разнонаправленные. Будучи ополяченной, польскоязычной, белорусская шляхта все же не отождествляла себя с поляками. Весьма характерным свидетельством тому являются известные строки из письма Януша Радзивила IX польскому королю Яну Казимиру:

¹⁸ Карпычев А.Н., Козловский П.Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII – XVIII // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Л., 1972. С. 86 – 92.

¹⁹ Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі. Мн., 1990. С.37.

²⁰ Беларусы Т.4. С.179.

²¹ Беларусы Т.4. С.185.

«Придет время, когда поляки в двери не попадут, через окна их выбрасывать будем».²²

Самоопределялся шляхтич в зависимости от обстоятельств, считая себя то «поляком, то «литвином». Но при этом не желал иметь ничего общего с «хлопами», «хамами», демонстрируя сословную спесь и противопоставляя себя народу. Не удивительно, что для «люда посполитого» «своя» шляхта была столь же чуждой, как и поляки. Все они в его глазах были «ляхами» и при случае – во времена гражданских войн и народных восстаний – различий между ними не делалось.

Подобное жесткое размежевание внутри этноса по сословно-классовому критерию означало, что у белорусского народа, по существу, не было элиты.

Фундаментальные деструкции социальной синергии по самым разным основаниям: «верхи и низы», «город и деревня», «стремление к независимости и единение с Польшей» закреплялись культурными, лингвистическими, конфессиональными, правовыми, социально-психологическими и т.д. различиями. Особенности указанных «различий» в белорусском обществе (которые естественным образом наличествуют в любом социуме) в том, что они не дополняли друг друга, а, напротив, взаимоисключали. Иначе говоря, все составлявшие белорусское общество социальные группы, *de jure* объединенные государственно-политическим статусом (и Статутом) ВКЛ, *de facto* являлись замкнутыми и самодостаточными сообществами без каких-либо общих консолидирующих идей, идеалов, лидеров, интенций, политической воли.

Все эти диссипативные процессы находили свое отражение в национальном сознании. Мыслители и общественно-политические деятели того времени – Л. Зизаний, М. Смотрицкий, И. Копиевский, Г. Косинский, С. Полоцкий и другие видели и фиксировали лишь некоторое своеобразие этнонима «белорусы» и связанные с ним самоопределения. Вместе с тем они не проводили существенных различий между ними, украинцами и русскими, считая их ветвями одного целого – древнего «русского народа». Аналогичных представлений придерживались и исследователи «дальнего зарубежья»: «отец» славянской филологии чех Я. Домбровский, другие европейские языковеды и историки.²³

Принципиальное значение в сохранении этнической само-и экзоидентификации белорусов имел факт существования территориальной целостности ВКЛ несмотря на все перипетии истории. В XVII – XVIII вв. за восточными и центральными землями Беларуси стабильно закрепляется название «Белая Русь». Появляются связанные с данным топонимом устойчивые выражения – «белорусский край», «белорусский язык», «белорусская вера», «белорусская шляхта» и другие. Однако глубинного социокультурного содержания они, как и прежде, не несли, а служили главным образом для геополитических обозначений соответствующих областей Беларуси и характеристики некоторых этнических особенностей ее жителей.

²² Прыбытка Г. Барацьба магнацкіх групавак у другой палове XVII пачатку XVIII ст. // Спадчына. 1995. № 5. С. 83.

²³ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб.: 1910, С.106 – 118.

Ближайшие соседи идентифицировали белорусов по разным основаниям. Так, белорусов из Речи Посполитой в России называли «литвины-белорусы», а подданных царя (живших на смоленщине и псковщине) – просто «белорусцами». В качестве синонимов были также распространены названия «русские», «русины». В Литве, где данные этнонимы не получили распространения, в качестве синонимов названия «белорусы» использовались определения «униаты» или «православные».

Со второй половины XVIII в. в связи с нарастающим обострением отношений между Речью Посполитой и Россией белорусский народ в идеологических спорах между «польскими патриотами» и «великорусскими державниками» все чаще стал идентифицироваться по конфессиональной принадлежности: католик – значит поляк, православный – русский, остальные – литвины, или униаты. Отсюда и соответствующая политика – полонизации или, позднее, русификации, что, естественно, лишь хаотизировало процессы белорусской национальной духовной синергии.

Последние попытки возродить собственную государственность и «литвинское» самосознание были предприняты Т. Костюшко (ставившим именно такую цель) силой оружия, а затем М.К. Огинским, но уже путем дипломатии в качестве главы Комиссии временного правительства ВКЛ. Война 1812 г. похоронила эти планы. С исчезновением *de jure* ВКЛ государственно-политический политоним «литвины» утратил свое объективное значение: остались «русские», «белорусы», «униаты», «полочане»...

Таким образом, к началу XIX в. исчезли исторические, социальные и политические условия существования белорусско-литовского государства. Центрировавшее его сословие – шляхетский «народ-нация» – растворился в полиэтнической пестроте населения северо-западных губерний Российской империи. Белорусский народ («тутэйшыя») – дезинтегрированный и разобщенный – продолжал существование в рамках локальных субэтнических сообществ. Его возрождение было связано с активностью уже нового творческого меньшинства, разночинной интеллигенции, исходившей из подлинно национальных интересов и стремившейся к консолидации общества на основе исторических традиций и духовных ценностей белорусов.

2.5 На пути к возрождению национальной идентичности

После разделов Речи Посполитой между «тремя разбойниками с большой дороги» (К. Маркс) и включения белорусских земель в состав России, процесс ополячивания населения не только не прекратился, но, напротив, еще более усилился. Вслед за шляхтой в него оказались вовлеченными мещанство и крестьянство. Объясняется сей странный на первый взгляд факт просто – Александр 1 дело образования в Белорусском округе отдал на попечение польскому магнату С. Чарторийскому.

В учебных заведениях, созданных еще во времена Речи Посполитой, обучение велось на польском языке во всех средних и начальных учебных заведениях. Для более эффективной полонизации населения на уровне его высших сословий Полоцкий иезуитский коллегиум (в 1812 г.) преобразуется в академию. Как и прежде, в основном на польском языке и латыни велось

преподавание в Виленском университете, хотя здесь среди профессоров (в основном уроженцев Беларуси) настроения были иными.

Равнодушие имперских властей к ведению дел на своих вновь приобретенных территориях хорошо объяснил в свое время русский этнограф А. Пыпин: на белорусский край в Петербурге «смотрели скорее как на польский чем на русский», считали его «по большей части польским и чужим», «сами русские ... слабо припоминали и в московские, и в новейшие времена свое единство с белорусами» и долго не подозревали о возможности какой-либо иной политики и иных отношений с ними.²⁴

Национально-освободительное восстание 1830 – 1831 гг. в Польше, Литве и Западной Беларуси и его вооруженное подавление вынуждают центральные власти в корне пересмотреть свою прежнюю политику невмешательства. Ответные действия были радикальными и жесткими. В 1836 г. выходит указ царя о запрете преподавания в учебных заведениях на польском языке, замене его русским, закрытии католических и униатских школ (в том числе тех немногих, где обучение детей велось на белорусском языке), а также запрете богослужений на белорусском языке. За активное участие студентов и профессуры в восстании 1830 – 1831 гг. ликвидируется Виленский университет. Специальным указом (1839) Николай I упраздняет униатство, а также названия «Беларусь» и «Литва». На это же время приходится отмена действия на территории Беларуси Статута ВКЛ 1588 г. Для управления делами «Северо-западного края» и проведения русификаторской политики на белорусские земли широким потоком хлынуло русское чиновничество, помещики (на конфискованные маёнтки и земли осужденных участников восстания), военнослужащие, служители культа. В итоге небезызвестный М. Муравьев-вешатель через двадцать лет заявит, что нужно понимать всем – «Северо-западный край всегда был и есть русский».²⁵ Отсюда следующий шаг: запрет на печатание книг на белорусском языке, а также на его использование в богослужбной практике уже католического костела.

Переход к жизни в новых экономических, социально-политических и ценностно-духовных условиях был для белорусского народа достаточно противоречивым. Обретение безопасности и стабильности стимулировало рост народонаселения, развитие городов, интенсификацию связей между различными регионами, формирование новых производственных отношений, приобщение белорусов к великой русской культуре.

Вместе с тем имперская политика России в отношении своих северо-западных территорий была селективно-циничной. Особенно отчетливо это просматривается на этническом составе городского населения. На конец XIX в. собственно белорусов в городах проживало 2,5 %, 53,2 % составляли евреи, 37,5 % – русские, 1,4 % – поляки. Данный факт особенно впечатляет в связи с тем, что именно город всегда и везде – это центр культуры, формирования и воспитания национальной элиты, средоточие образования и просвещения, «точка» роста этнического сознания.

²⁴ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Белоруссия и Сибирь. В 2 т. СПб., 1892. Т. 4. С. 23,26,30, 60.

²⁵ Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Мн., 1940. Т. 2. С. 555.

Оценивая, однако, в целом исторические и социокультурные предпосылки становления белорусской нации в новых условиях, следует признать, что они были все же более благоприятны, нежели прежде. Первые объективные взгляды на белорусскую культуру и язык начали появляться в 30-е гг. XIX в. в русской (журналы «Молва», «Маяк») и польской (альманах «Рубон») периодике. Немало поспособствовала пробуждению интереса российско-польской общественности к истории и этническому своеобразию белорусского края полемика между польскими и российскими учеными на предмет большего «права» той или другой стороны на земли и душу белорусов. Научный этос требовал представления объективных фактов. Они появлялись с обеих сторон и *volens nolens* работали на белорусскую идею, пробуждение этнического самосознания.

С середины XIX в. наблюдается интенсивное движение белорусского общества в направлении его консолидации на основе возрождения языка, национальных традиций, синергичного взаимодействия народной и формирующейся высокой (профессиональной) культур. Истоки последней восходят к появлению ряда анонимных белорусскоязычных произведений («Тарас на Парнасе», «Энэіда навыварат», «Гутарка старога дзеда» и другие), творчеству П. Багрыма, стихам на родном языке (к сожалению, утраченных) «литвина» А. Мицкевича. Высоким уровнем национального самосознания пронизано творчество В. Сырокомли, В. Дунина-Марцинкевича, Я. Барщевского, Я. Лучины, А. Гуриновича, Ф. Богусевича. Первым деятелям белорусского возрождения приходилось сталкиваться не только с противодействием официальных властей, но и необходимостью преодоления социально-психологических предрассудков относительно своего этнического статуса самих белорусов, в своем абсолютном большинстве неграмотных. Непростым был и вопрос о выборе алфавита – латиницы или кириллицы. Дело в том, что те немногие белорусы, которые владели грамотой, знали ее лишь в латинском написании. Выбор, как известно, был сделан в пользу исторической традиции. И уже вскоре литературные возможности «мужыцкай мовы» продемонстрировали Ф. Богусевич, А. Ельский, А. Гуринович, Я. Лучина, переведя на белорусский язык произведения А. Мицкевича, А. Пушкина, И. Крылова, И. Франко, а также Шиллера, Гете, П. Верлена и других авторов. Всего с 1859 по 1915 гг. на белорусском языке было издано более 20 названий переводных книг.²⁶

Существенный вклад в данный процесс вносили и белорусские ученые-этнографы: Ю. Крачковский, И. Носович, И. Берман, Е. Романов, П. Шейн, М. Никифоровский и другие. На середину XIX в. приходится расцвет поисково-исследовательской деятельности П. Шпилевского. Он был, пожалуй, одним из первых белорусских краеведов, кто на основе богатейшего этнографического, фольклорного и языковедческого материала заявил о существовании белорусов как вполне самобытного и самостоятельного этноса. Работы названных ученых способствовали осознанию народом своей историко-культурной самобытности, и прежде всего интеллигенцией, студенческой молодежью, обучавшейся главным образом в Петербурге, т.к. собственных высших учебных заведений после закрытия Горы-Горецкого земледельчес-

²⁶ Фарміраванне і развіццё беларускай савецкай культуры. Мн., 1958. С.108.

кого института в связи с активным участием преподавателей и студентов в восстании под руководством К. Калиновского в Беларуси не было.

Следует также указать на важную роль в «открытии» белорусов как нации таких известных российских ученых белорусоведов, как А. Шахматов, Д. Зеленин, А. Соболевский, М. Янчук и другие; прогрессивных деятелей польской культуры – Я. Карловича, Я. Аношки, К. Буйницкого, Э. Ожешко.

Немногим более чем через десять лет после указов Николая 1 о запрете всего белорусского, в Минске в 1852 г. состоялась первая театральная премьера на родном языке – опера «Идылія». Либретто к ней написал В. Дунин-Марцинкевич, а музыку – С. Манюшко («отец» польской классической музыки). К концу столетия театры широко распространились по Беларуси, а их зрителями были не только мещане, но и крестьяне из близлежащих деревень. О важности этого вида искусства в деле формирования сознания и вкусов народа в свое время хорошо сказал Гете: «Если вы хотите создать нацию, создайте вначале театр». Тогда же начинают возникать первые публичные библиотеки. Появляются белорусские издательства, белорусскоязычная периодика («Вольная Беларусь», «Грамада», «Раніца», «Крапіва», «Вielogus» и другие). Однако особая роль в становлении и формировании у широкой белорусской общественности чувства национальной идентичности принадлежала газете «Наша ніва». На ее страницах активно публиковали свои произведения Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, Цётка, Ц. Гартны и другие авторы. Все это в конечном счете и стало основой для конституирования классической белорусской литературы. Появляются также первые социально-философские эссе (Сулима, Абдиралович), в которых предпринимаются попытки системного осмысления феномена белорусской истории.

На волне пробуждения национального самосознания начинают вновь актуализироваться идеи независимости белорусского края. Впервые более чем через столетие политического анабиоза с требованием культурно-национальной автономии для Беларуси выступила на своем учредительном съезде в декабре 1903 г. Белорусская социалистическая громада. С течением времени идеология национальной независимости пускает все более глубокие корни. В 1915 г. в Вильно (центре белорусского возрожденческого движения) создается конфедерация ВКЛ с программным требованием восстановления независимого белорусско-литовского государства. После февральской революции таким центром становится Минск. На съезде политических партий и движений создается Белорусский национальный комитет во главе с Р. Сकिрунтом. Дальнейшее развитие военных и политических событий привело к консолидации патриотически настроенных сил общества и провозглашению Радой БНР 25 марта 1918 г. независимости республики. И хотя во многом это был формальный политический жест, он оказал серьезное влияние как на укрепление национального самосознания народа, так и последующие действия в области строительства белорусской государственности и развития культуры.

Подобные фундаментальные сдвиги в ментальности народа стали возможными, во-первых, при определенных социально-политических условиях, во-вторых, были результатом спонтанной, неинституализированной дея-

тельности нового творческого меньшинства – формирующейся национальной интеллигенции. Важно подчеркнуть, что данный процесс имел характер самоорганизации и от десятилетия к десятилетию новейшей белорусской истории шел по восходящей вплоть до формирования государственно-политического сознания, перейдя в итоге в русло практических действий: создание политических партий, борьбы за власть и провозглашение *de jure* Белорусской Народной Республики в марте 1918 г.

Очевидно, что «имперский» период отечественной истории имел свои особенности как в характере вызовов, так и ответов. Воспринимать и осмысливать их следует в контексте происходивших тогда в мире процессов, которые кратко можно определить следующим образом.

1. Во второй половине XIX – начале XX в. западная цивилизация вступила в полосу фундаментальных преобразований во всех сферах своей жизнедеятельности: экономической (промышленный переворот), политической (выход на историческую арену народа – «восстание масс»), социальной (демографический бум, эмансипация женщин), духовной («ядром» мировоззрения эпохи становится наука и связанные с нею утопические идеологические проекты).

2. Общественные преобразования закреплялись в конституировании правового государства, гражданского общества, демократической системе образования, локализации церкви, идеологии прав и свобод человека.

3. Шел процесс активного становления европейских малых наций и государств, в том числе на волне национально-освободительных движений.

В контексте данных событий рассматриваемый период отечественной истории выглядит вполне адекватно. Численность населения Беларуси за полвека (к 1914 г.) удвоилась. Городское население увеличилось со 148 тыс. в 1825 г. до 990 тыс. человек в 1914 г.²⁷ Динамично развивается экономика. Вклад Беларуси в ВВП Империи составил в 1913 г. 10 %. Состоялось «открытие» белорусской нации. Начался процесс формирования национальной элиты. В культуру и духовную жизнь возвращается белорусский язык. Возникает белорусистика. Национальное сознание эволюционирует за столетие от уровня обыденно-фольклорных представлений до возникновения классической литературы и социально-философской рефлексии. Формируется и быстро развивается политическая инфраструктура общества – от нелегального студенческого кружка «Гомон» в С.-Петербурге до создания многопартийной политической системы и целенаправленных политических действий.

Еще раз подчеркнем: все эти события отечественной социальной и духовной синергии были связаны со спонтанными процессами самоорганизации белорусского общества. Провозглашение БНР, а затем и БССР в составе СССР – их логическое завершение в тех конкретных исторических условиях.

2.6 Институализация белорусской социокультурной синергии

Советский период – это время кардинальной перестройки всех основ жизни белорусского общества (в рамках, естественно, целого, коим являлся Советский Союз). Происходила она по сценарию коммунистического идео-

²⁷ Беларусь. Т. 6. Грамадскія традыцыі. Мн., 2002. С.25.

логического проекта с вовлечением в процессы обновления (так или иначе) практически каждого человека. Утопичность самого проекта сегодня очевидна («по плодам его»), но несколько поколений людей воспринимали заявленные в нем идеи и идеалы как вполне осуществимые.

Для белорусов советский период истории начался драматически – с раздела территории и населения на две части: советскую (восточную) и польскую (западную). Различными почти на двадцать лет оказались векторы их социально-политического и культурного развития. Этот своеобразный исторический эксперимент оказался опосредованным и социальным экспериментом, развернувшимся в советской части Беларуси, а затем, после воссоединения, продолжившийся на всей территории республики. Он фактуально позволяет удостовериться в роли и возможностях институализированных действий в процессах государственного и национально-культурного строительства, развития этнического сознания народа.

Импульс, сообщенный деятелями национального движения процессам белорусского возрождения, оказался не только воспринят, но и получил масштабную государственную поддержку со стороны новой власти – руководства БССР. Последнее в выработке своей национальной политики и практических действиях исходило из известной резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», указавшего на великодержавный шовинизм как главную угрозу делу становления нового общественного строя. В этой связи подчеркивалась необходимость добиваться доверия ранее угнетенных наций, развития на их родном языке органов власти, суда, курсов и школы как общеобразовательного, так и профессионально-технического направления, культурно-просветительских учреждений, прессы, театра и т.д.²⁸

Исходя из этой идеологической установки, было объявлено о развертывании политики всеобъемлющей белорусизации республики. Ее «точкой отсчета» принято считать июль 1924 г., когда пленум ЦК КП(б)Б утвердил широкую программу национально-культурного возрождения. Ее предполагалось осуществить быстро, в духе максималистских иллюзий того времени. Однако вскоре пришло понимание всей сложности, многогранности проблемы – начинать ее решение приходилось практически «с нуля». Усугублялась она и тем, что в начале 1919 г. значительная часть белорусской территории отошла РСФСР, а возвращалась по частям – в 1924 и 1926 гг. Укрупнение страны породило новые и неожиданные проблемы: необходимость переубедить русифицированное население в важности возрождения белорусской культуры и языка. Многие «новые белорусы» отказывались признавать свои этнические корни, и вместе с тем не идентифицировали себя с русскими, предпочитая быть просто «тутэйшыми».²⁹ Нигилистические настроения по отношению к политике белорусизации были свойственны и для многих «ответственных работников», особенно Гомельской и Витебской губерний, под-

²⁸ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). Т.2. 1917 – 1922. М., 1983. С. 366.

²⁹ Лыч А., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мн., 1996. С.204.

вергшихся наибольшей русификации, хотя белорусы составляли там до 70 % населения.³⁰

Данные факты красноречиво свидетельствуют как о степени разрушения этнического самосознания белорусов, так и о нетривиальности задачи, за решение которой взялась новая власть. По мере уяснения ее глубины и сложности, приходило понимание того, что опыт и знания вынужденной эмигрировать значительной части национальной интеллигенции может оказаться весьма полезным. На основании амнистии в республику вернулись М. Горецкий, В. Ластовский, А. Смолич, А. Цвикевич и десятки других. Интеллектуальным штабом по руководству белорусизацией стал Наркомат просвещения во главе с В. Игнатовским, а организационно-идеологическая и административная поддержка обеспечивалась партийными комитетами всех уровней.

Масштабность предприятия требовала комплексного подхода, включавшего в себя:

1. Теоретическое осмысление феномена белорусизации; исследования и разработку фонетических, лексических, терминологических и грамматических аспектов белорусского языка; выработку принципов и изучение белорусской истории, культуры, государства и права; определение направлений археологических работ; подготовку и издание учебников и учебных программ; подготовку кадров белорусской интеллигенции.

2. Создание соответствующих социальных институтов, призванных реализовывать сформулированные выше задачи. Таковым стал, в первую очередь, Институт белорусской культуры (Инбелкульт), открытый в феврале 1922 г. Активными сотрудниками его различных секций были Я. Купала, Я. Колас, Я. Карский, Я. Лёсик, М. Громыко, В. Голубок и другие. Несколько ранее (с октября 1921 г.) начал свою работу Белорусский государственный университет. В 1928 г. Инбелкульт преобразуется в Белорусскую академию наук, сохраняя при этом свою белорусоведческую направленность.

3. Многовекторные практические действия, точкой пересечения которых должен быть конкретный человек, его сознание. Наиболее важным из этих «векторов» была школа. Белорусский язык и культура становятся обязательными предметами изучения на всех ступенях системы образования. К концу 20-х гг. белорусскоязычными стали около половины школ-семилеток. Сложнее шел этот процесс в высшей школе из-за нехватки квалифицированных преподавателей-белорусов, отсутствия в нужном количестве книг, учебников, специальной литературы, методических пособий на белорусском языке.

Данный процесс существенно интенсифицировался после придания белорусскому языку статуса государственного. В соответствии с требованиями закона, на государственный язык переводится делопроизводство, в т.ч. в воинских частях. С 1927 г. на белорусском языке стал выходить орган ЦК КП(б)Б «Бальшавік Беларусі». Перестраиваются средства массовой информации. В 1927 г. в республике издавалось 20 газет, из них 10 – на белорусском языке; из 16 журналов 10 были белорусскоязычными. Языками национальных меньшинств периодики были иврит, русский и польский.

³⁰ Там же. С.203.

Важнейшим инструментом политики белорусизации являлось национальное искусство (литература, театр, музыка, кинематограф, изобразительное искусство), обретшее институционализированные формы. Были образованы разнообразные творческие союзы и объединения. Наряду с драматическими театрами, широко распространенными на Беларуси в 20-е гг., в 1933 г. появляется театр оперы и балета, а ранее в 1932 г. – консерватория, 1937 г. – Белорусская государственная филармония. Писатели, поэты, художники, режиссеры, актеры, композиторы, музыканты, вдохновляемые идеалами национального возрождения, своими произведениями возвращали народу его историю, культуру, язык, традиции, память, способствовали возвышению его эстетических вкусов и потребностей и тем самым вносили свой вклад в формирование новой белорусской ментальности.

Таким образом, в 20-е гг. в результате акцентированной государственной политики и энтузиазма деятелей национально-культурного возрождения были заложены институциональные основы для подлинной белорусизации страны, а также определены духовные – гуманистические и национально-демократические – ориентиры развития нации.

Однако далее развитие событий пошло по другому руслу. Уже к концу 20-х гг. в СССР начинается свертывание политики либерализации (НЭПа, практики партийных дискуссий, права на инакомыслие, критику власти, свободу самовыражения, контактов с границей и т.д.). Социальная и духовная синергия переводятся в режим одновекторного функционирования. Разрушаются механизмы социальной самоорганизации. Вся духовная жизнь общества берется под жесткий партийно-идеологический контроль и направляется на «правильную дорогу». Главными задачами провозглашаются индустриализация, коллективизация и воспитание трудящихся в духе пролетарского интернационализма. Это повлекло за собой смещение акцентов в национальной политике, а также в отношении к ориентированной на национально-демократические ценности интеллигенции. Последняя объявляется препятствием на пути советизации.

В 1930 г. инспирируется первый процесс над деятелями белорусской культуры по отработанному до того на Украине сценарию: они обвиняются в участии в некоем «Союзе освобождения Белоруссии». Среди арестованных – наркомы, ученые, писатели; всего – более ста человек. Фабрикуется дело против Я. Купалы, которое он «закрывает» попыткой самоубийства. Тем не менее и его, и Я. Коласа вынуждают выступить в партийной печати с осуждением своей прошлой литературной деятельности и критикой национально-демократического движения.³¹ Подвергся преследованиям и вынужден был застрелиться первый президент АН Белоруссии В. Игнатовский. Собственно, это и была «точка» в процессе белорусизации.

В 1933 г. в борьбу с «нацдемовщиной» в Беларуси включается центр. «Правда» уже своим заголовком ставит перед республиканским руководством прямую задачу «Очистить наркомат Наркомпроса Белоруссии от классового врага».³² В результате тотальной «чистки» из партии было исключено

³¹ Звезда, 1931, 14 снеж.

³² Правда, 1933, 2 марта.

около 10 тыс. человек, в основном интеллигенция. В следующем году «раскрывается» террористическая организация «Белорусский национальный центр». Репрессиям подверглись 161 человек. «Врагов» отыскивали всюду. К. Пономаренко, первый секретарь ЦК КП(б)Б, в письме к Сталину называет республиканский союз писателей «центральным штабом нацфашистской пропаганды». Репрессировано было 238 литераторов. «Национально-фашистскими элементами» оказался «замусорен» и белорусский театр.

Волна репрессий прокатилась также по научным учреждениям республики. Были расстреляны Президент АН БССР П. Горин (Коляда), вице-президент В. Щербаков, 26 академиков и 6 членов-корреспондентов. Целые научные подразделения – Институт философии и советского строительства, Физико-технический институт, Институт экономики были закрыты из-за отсутствия сотрудников.³³

В соответствии с генеральной линией партии на слияние наций и воспитание нового – «советского» – человека, начинается процесс дебелорусизации. Принципиальное значение в этом плане имели два события. Первое – реформа белорусского правописания (1933), целью которой было «воспитание трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма» путем приближения лексических и грамматических норм белорусского языка к русскому. Этот, по существу политический акт по отношению к языку, явился одним из оснований набравшего с течением времени силу национального нигилизма. Второе – перевод обучения в школе на русский язык. К 1940 г. в большинстве белорусских школ обучение в V – X классах велось на русском. Полностью русскоязычными были все 25 вузов.

В республике высшая школа ежегодно готовила тысячи высококвалифицированных специалистов для всех областей народного хозяйства, что вело к существенному повышению ее интеллектуального потенциала. По численности студентов на 100 тыс. населения – 24 человека – Беларусь в предвоенные годы опережала такие страны, как Германию, Италию, Францию.³⁴ Естественно также, что абсолютное большинство студентов в вузах были белорусы. Это обстоятельство важно подчеркнуть в связи с положением и возможностями белорусской молодежи в «усходніх крэсах» Польши. В Виленском университете процент студентов-белорусов в период 1919 – 1937 гг. колебался от 0,9 до 2,8 % от общего числа обучающихся.³⁵

В Западной Беларуси продолжалась политика тотальной полонизации белорусского населения. К 1938 г. были закрыты все белорусскоязычные средние школы. В этом смысле идеологически выигрышна для советских властей была демонстрация своей национальной политики, что в определенной мере содействовало продолжению процесса белорусизации. Ее своеобразный «ренессанс» наблюдался и после объединения Беларуси. На западных землях обучение в большинстве школ переводится на белорусский язык. До войны там был открыт целый ряд высших и средних учебных заведений, учреждений культуры.

³³ Возвращенные имена. Сотрудники АН Белоруссии, пострадавшие в период сталинских репрессий. Мн., 1992. С. 12 – 14.

³⁴ Белорусская ССР. Краткая энциклопедия. Мн., 1980. Т.3. С.26..

³⁵ Беларусь. Т. 4. С.297.

Однако главным в гуманитарном образовании и воспитании рядовых граждан и национальной интеллигенции были отнюдь не гуманистические и национально-демократические ценности и идеалы, а большевистская идеология, основанная на догматизме, культе личности и классовой нетерпимости. Еще более воинственной и реакционной она стала в послевоенные годы.

Жестко контролировалась и направлялась не только деятельность ученых-обществоведов, но и художников. Социалистический реализм, героика борьбы и труда, руководящая роль партии – вот круг дозволенных тем. Табу было наложено на обращение деятелей культуры к национально-исторической проблематике, на лирику и просто реалистическое отображение действительности. Показательны в этом отношении идеологические процессы над А. Ахматовой и М. Зощенко. Продолжением этой политики в Беларуси явилось изъятие из первого послевоенного издания сочинений Я. Купалы 160 его лучших произведений, в которых он воспевал национально-освободительные устремления народа.³⁶ Вынуждена была писать покаянное письмо в ЦК КП(б)Б старейшая поэтесса Беларуси К. Буйло в связи с обвинением ее партийным руководством республики в «неправильном» понимании любви к Родине, выраженном в сборнике стихов «Світанне». Насильственное отлучение высокой (профессиональной) культуры от ее глубинных истоков и превращение в инструмент идеологического воздействия вело как к деградации самого искусства, так и деформации национального самосознания.

Данный процесс усиливался в связи с «вымыванием» белорусского языка из школьного (на всех уровнях обучения) и профессионального образования. К началу 50-х гг. этот процесс зашел так далеко, что стал предметом специального рассмотрения на пленуме ЦК КПБ (июнь 1953 г.). Были даны соответствующие поручения Министерству образования, советским органам на местах. Однако практических последствий эта директива почти не имела. В отношении вузов из-за отсутствия соответствующих кадров преподавателей этот вопрос даже не обсуждался.

В послесталинский период ситуация начинает меняться. Процессы духовной синергии становятся сложнее и разнообразнее. С одной стороны, продолжалась политика русификации. Дополнительный импульс ей сообщил приезд в Минск на празднование 40-летия БССР Н. Хрущева в 1959 г. В своей речи он сформулировал программный тезис политики партии в языковом вопросе: «чем раньше мы будем говорить по-русски, тем быстрее построим коммунизм».³⁷ Для белорусского языка это означало превращение его в элемент экзотики на национальном портрете Беларуси. С другой стороны, намечается, особенно в искусстве, научно-гуманитарных исследованиях поворот к национальной проблематике, реалистическому осмыслению и репрезентации белорусской социальной и духовной синергии. Литература, театр, кинематограф, музыка, изобразительное искусство, эстрадный жанр, обретший особую популярность в последние десятилетия, восстанавливают порушенную тра-

³⁶ Записи. Беларускі інстытут навукі й мастацтва. Нью-Йорк, 1983. Т. 17. С.40.

³⁷ Правда, 1959. 6 марта.

дицию синергизма высокой культуры и народного творчества, выводят белорусскую культуру на уровень международного признания.

Серьезную работу в области исследований отечественной истории и культуры, этнического самосознания осуществили белорусские историки, этнографы, искусствоведы, философы, праведы и др., что также можно рассматривать как продолжение той традиции, которая была заложена деятелями белорусского национального возрождения начала века, учеными Инбелкульты.

Однако подлинного простора для выявления потенциала и развития национальной самобытности народа в рамках идеологии и политики советского государства быть не могло. И прежде всего потому, что скованными оставались силы внутренней самодетерминации как социума в целом, так и конкретных людей. Сама тоталитарная система оказалась исторически не жизнестойкой. Основная причина краха СССР кроется в его моноструктурности, отсутствии внутреннего разнообразия, вариативности действий, а потому и неспособности адекватно отвечать на вызовы времени. Внутренний синергизм социума связан прежде всего с механизмами самоорганизации, правом свободной самоактуализации личности и идеологией взаимодополнения образующих его противоположностей. Ничего подобного в советской конструкции общества и государства не было, что, собственно, и явилось одной из причин «перестройки».

Вместе с тем советский период отечественной истории представляет собой важный этап в формировании белорусского народа, его самосознания, государственных и общественных институтов, развития национальной культуры. Принципиальное значение в этом смысле имело первое десятилетие советской истории. В результате органичного взаимодействия и взаимопроникновения целерациональных институализированных действий государства (через институты управления, судопроизводства, систему образования, Академию наук, учреждения культуры, средства массовой информации и т.д.), а также спонтанной активности патриотически настроенной интеллигенции были заложены основы для масштабной белорусизации всех сторон и формирования многомерной национальной духовной синергии. Достижения белорусского народа общепризнаны. Вместе с тем отсутствие закреплённых историческим опытом и традицией корневых основ самоидентификации оставляет проблему белорусской ментальности по-прежнему актуальной. Сегодня, однако, ее осмысление связано с комплексом новых социально-исторических условий, важнейшим среди которых является факт политической институализации Республики Беларусь.

3 Диалектика институциональных и спонтанных факторов в процессах современной белорусской социокультурной синергии

3.1 Объективные императивы социально-экономической трансформации

Обретение народом в 1991 г. государственной независимости означает выход белорусского этноса на качественно новый этап исторического развития. Он связан с ситуацией суверенного самоопределения Беларуси, необходимостью преодоления разрывов внутренней синергии и одновременной интеграции в процессы современной экономической и социально-политической динамики. Последняя обнаруживает себя как нелинейный процесс становления цивилизации нового типа – информационно-компьютерной, постиндустриальной, технотронной, эколого-информационной, телекоммуникационной и т.д. – подходящие определения еще подыскиваются. Формирующие ее тенденции прослеживаются в таких трендах, как глобализация; нарастание в хозяйственной деятельности социума удельного веса технологий V и VI укладов; доминирование в ВВП экономики развитых стран доходов от сферы услуг; определяющее значение в богатстве страны социального и человеческого капитала; универсализация норм международного права; консолидация человечества перед лицом глобальных угроз и т.д.

После самоликвидации СССР Беларусь получила весьма неоднозначное наследство. Это, с одной стороны, современные производства и технологии, передовая наука с развитой инфраструктурой и мощной экспериментально-исследовательской базой, адекватная потребностям времени система образования, высококвалифицированная рабочая сила, компетентные кадры технической и гуманитарной интеллигенции. С другой стороны, Чернобыль, деформированная структура реального сектора, большое количество ненужных малой стране химических предприятий, энергоемкое, ресурсозатратное производство, а главное – отсутствие топ менеджеров, специалистов в области управления, системных трансформаций, информационных технологий и т.д., подготовленных к работе в рыночных условиях. К сказанному следует добавить также отсутствие необходимой для проведения реформ законодательной базы и соответствующих механизмов государственного регулирования фискальной и монетарной политики, внешнеэкономической и инвестиционной деятельности. Совокупность этих и связанных с ними иных причин обусловила тяжелые кризисные явления в экономике и социальной синергии страны в первой половине 90-х годов. Ситуация по существу была близка к хаосу. Ряд наших соседей, оказавшихся в сходном положении, избрали вариант «шоковой терапии». Это, по сути, была ставка на актуализацию механизмов социальной самоорганизации на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности социума. С разной степенью успешности (и потерь) первоначальные задачи рыночного реформирования оказались «там» осуществленными.

В нашей стране после конституционного установления президентской республики опора была сделана на административный ресурс и прежние со-

ветские методы управления. Это в какой-то степени «замораживало» уже начавшийся процесс социальной самоорганизации, но вместе с тем и дезинтеграцию социума. С точки зрения теории подобного рода действия выглядят уязвимыми. Однако ситуацию нужно оценивать системно, исходя из отечественных реалий и прослеживаемой динамики событий.

С середины минувшего десятилетия положение дел начинает медленно, но стабильно выправляться. В 1997 г. была разработана и одобрена правительством Национальная стратегия устойчивого развития страны, в которой определена новая цивилизационная программа, тип создаваемого государства и общества, перспективная модель экономики. Эта стратегия учитывает основные тенденции развития современного мира, заключающиеся в глобализации экономических и социальных процессов, формировании постиндустриального общества на основе новых технологических укладов и создании условий для всестороннего развития личности. Беларусь, как это очевидно из сказанного, делает свой исторический выбор в пользу интеграции в мировое сообщество, устойчивого социально-экономического развития, учитывая опыт других стран, но сохраняя при этом собственную национальную специфику.

Принципиальное значение имеет тот факт, что в Республике Беларусь в качестве перспективной принята модель социально ориентированной рыночной экономики. Последняя строится на принципах конституционных гарантий прав и свобод человека, предпринимательства, выбора профессии, места работы, равенства всех форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, социальной защиты нетрудоспособных и других социально уязвимых слоев населения, социального партнерства между государством, профсоюзами и союзами предпринимателей.

Социальная ориентация рыночной экономики позволяет, с одной стороны, сохранить прежние социальные завоевания общества, а с другой – использовать рыночные механизмы для повышения эффективности экономической системы, ее восприимчивости к научно-техническому прогрессу.

Главной целью социально-экономических преобразований в Республике Беларусь по обеспечению устойчивого развития определено повышение жизненного уровня народа с постепенным приближением его благосостояния к уровню высокоразвитых европейских государств. Эта цель может быть достигнута путем построения современной высокоэффективной экономической системы, обладающей стимулами к высокопроизводительному труду и восприимчивой к научно-техническому прогрессу.

Общепризнанным является то, что основа такой системы – это эффективный механизм рыночных отношений. Однако это не находит единодушной поддержки в нашем обществе, так как многие считают (и с этим нужно согласиться), что формирование реальных рыночных отношений в Беларуси осложняется не только наследием централизованно управляемой экономики, но и доминированием в белорусском менталитете коллективистских начал, настороженным, а то и враждебным отношением многих людей к чужому

предпринимательскому успеху, отсутствием развитой частной собственности в земельных отношениях, эффективной системы местного самоуправления, преобладанием вертикальных связей (государство — индивид) над горизонтальными (индивид — индивид, группа — группа). Белорусский народ в своей значительной части психологически ориентирован патерналистски, т.е. надеется на государство, на проявление заботы о своем благосостоянии с его стороны. Преодолеть эти убеждения в короткие сроки вряд ли представляется возможным. Поэтому требуется длительный период для создания полнокровной рыночной экономики с новой производственной и социально-экономической структурой общества, новой системой мотивации к труду и высокой эффективностью производства. Учитывая подобное объективное положение вещей и умонастроения людей, переход к либеральной системе хозяйствования белорусское государство стремится осуществлять весьма корректно, исходя из реальных национальных интересов, постепенного и поэтапного создания необходимых элементов рыночной инфраструктуры и вместе с тем обеспечивая необходимый минимум социальной защиты для слабо адаптируемых слоев населения.

Оценивая промежуточные результаты подобного курса, следует подчеркнуть, что начиная со второй половины 90-х годов наблюдается положительная динамика показателей важнейших отраслей экономики и уровня жизни населения. В рамках мировых тенденций изменяется структура ВВП. Так, если в 1991 г. в его структуре промышленность составляла 40,1%, сельское хозяйство — 19,8 %, а сфера услуг — 27 %, то в 2002 г. она имела следующие пропорции: промышленность — 26 %, сельское хозяйство — 9 %, сфера услуг — 45 %. Соответствующим образом изменяется и количество занятых в этих отраслях.

О технологическом потенциале республики свидетельствует тот факт, что доля высоко- и среднетехнологичных товаров в общем объеме экспорта составляет 46,5 %. Для сравнения: это выше, чем в Австралии, Израиле, Греции, Португалии. По расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки Беларусь опережает такие страны, как Испания, Венгрия, Польша, Россия и др.³⁸

Делая упор на максимальное использование собственного научного потенциала, белорусское государство стимулирует привлечение в республику новых технологий из-за рубежа, участвуя в происходящих в современном мире интеграционных процессах и международном разделении труда. В Концепции социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 г. переход от индустриальной к постиндустриальной стадии определен в качестве главного ориентира социально-экономического развития государства. Сформулированы приоритетные направления создания и развития новых и высоких технологий, а также основанных на них перспективных производств: информационные технологии и электроника (информационные и телекоммуникационные системы, микросхемная техника и микросенсорика, сверхбольшие интегральные схемы и микроэлектроника, включая технологическое оборудование, компьютерные технологии проектирования управле-

³⁸ См.: Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. Мн., 2003. С. 8 – 9.

ния); технологии, основанные на высококонцентрированных потоках энергии; новые материалы и химические продукты, в том числе материалы для микро- и наноэлектроники; биотехнологии; нетрадиционные возобновляемые источники энергии; оптика и квантовая оптика; нанотехнологии; технологии тонкого химического синтеза и другие.³⁹

Принятые в последние годы программные документы свидетельствуют о понимании в республике того, что в современном мире, характеризующемся расширением и углублением интеграционных процессов как на уровне государств, так и на уровне промышленных корпораций, выпадение из транснациональных воспроизводственных цепочек может повлечь за собой постепенную технологическую деградацию экономики. При этом проводимая государственная промышленная политика нацелена на то, чтобы избежать опасности оказаться в роли придаточного звена такой воспроизводственной цепочки. Благодаря протекционистской политике в отношении реального сектора экономики, Беларуси удалось сохранить достаточно большую долю высокотехнологичных отраслей в промышленном комплексе страны и высококвалифицированные кадры в ключевых отраслях промышленности.

Следует отметить, что реализовать обозначенные в концепциях и программах направления технологической политики будет весьма непросто. Чтобы выполнить хотя бы часть из намеченного, необходимо, кроме прочего, преодолеть сформировавшиеся стереотипы экономического мышления и действий.

Беларусь, как было отмечено выше, вступила в новое тысячелетие с экономикой, находящейся на стадии реформирования и оживления. Однако очевидно, что достигнутый в последние годы рост ВВП во многом обусловлен действием организационных факторов (усиление административного воздействия на предприятия, повышение дисциплины и ответственности, развитие союзнических отношений в экономической сфере между Беларусью и Россией и т.д.) и стимулированием производства путем экспансионистской кредитно-денежной политики. Однако эффект от использования административного ресурса не может быть длительным. Для перехода к устойчивому долгосрочному экономическому росту необходимо наряду с созданием благоприятных институциональных условий и развития человеческого потенциала обеспечить модернизацию физического капитала и нематериальных активов. Добиться этого можно только в рамках ускорения структурных преобразований, приватизации, развития частного малого и среднего предпринимательства.

Опыт центрально- и восточноевропейских стран с переходной экономикой свидетельствует, что наибольших успехов в привлечении инвестиций и повышении благосостояния народов добились те из них, которые активно проводили процесс приватизации. Беларусь преобразование форм собственности осуществляет пока нерешительно. Более того, в последние годы процессы разгосударствления и приватизации в нашей стране значительно замедлились, а в сельском хозяйстве они практически и не начинались. Между

³⁹ Концепция национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Мн., 2003. С 5 – 6.

тем преодоление отчуждения человека от собственности является не только непременной предпосылкой оптимизации всего комплекса реформ, но и формирования социально активной, ответственной личности.

Ставка только на командно-административные методы управления экономикой может поставить под сомнение реальность достижения декларируемых в программах целей обновления. К критическому уровню (70 – 80 %) приближается износ активной части основных производственных фондов, растет число убыточных предприятий (на начало 2003 г. их доля составляла 32,9 %), увеличивается отрицательное сальдо в торговле с Россией (в 2002 г. – 1 млрд 789 млн долларов⁴⁰) – нашим основным экономическим партнером. В настоящее время только 4 % технологических процессов в промышленности Беларуси соответствует мировому уровню. Глубокий спад переживает научно-техническая сфера. Среднегодовые темпы обновления основных фондов науки не превышают 5 %, что почти в 3 раза ниже уровня современных требований, а их физический и моральный износ превысил 60 %. В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда страна, обладая высоким уровнем научно-технического потенциала, реализует его не более чем на 5 % всех предприятий, тогда как в развитых странах этот показатель в 5 – 6 раз выше. Как результат – низкая доля новой продукции в общем объеме производства (менее 3 %). При этом еще имеет место тенденция к ее сокращению. В структуре белорусского экспорта самая современная высокотехнологичная продукция составляет всего 4 % (для сравнения: США – 33 %, Япония – 26 %, Дания – 18 %, Россия – 12 %). Практически во всех отраслях промышленности Беларуси численность производственно-технического персонала существенно больше, чем это необходимо. В результате показатель производительности труда в обрабатывающих отраслях народного хозяйства страны остается в 4 – 6 раз ниже, чем в промышленно развитых странах, и в 2 раза ниже, чем в новых индустриальных странах. Получается, что у нас не машины вытесняют рабочих из производства, а напротив, дешевая рабочая сила вытесняет передовую технику.⁴¹ Как следствие, темпы обновления технологий и продукции в нашей стране, – пишет Президент НАН Беларуси М. Мясникович, – являются весьма неудовлетворительными, составляя лишь 5 % в год против 25 % в развитых странах.⁴²

Не получает должной поддержки со стороны государства развитие малого и среднего бизнеса – естественных средоточий процессов самоорганизации в экономики. В Польше, например, уже в 1995 г. на предприятиях частного сектора экономики было занято 36,4 % работающих, а в Беларуси в настоящее время – лишь 7 % от всех работающих в народном хозяйстве страны.⁴³ Эта проблема тем более актуальна, что в ближайшее время на открытом рынке труда может оказаться от 8 до 33 % занятых сейчас.⁴⁴ С учетом

⁴⁰ Национальная экономическая газета. 2003. 6 января.

⁴¹ См.: Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. Мн., 2003. С.85 – 91.

⁴² Мясникович М.В. Национальная академия наук на пути модернизация // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. 2003. № 12. С.70.

⁴³ Шехова А. Малое предпринимательство в регионах Беларуси: социальные аспекты развития // Социология. 2002. № 1. С.11.

⁴⁴ Вашкевич Е.В. Безработица в Беларуси: особенности изучения и управления // Белорусский экономический журнал. 2001. № 4. С.82.

подобных прогнозов необходимость использования потенциала малого предпринимательства уже сегодня является более чем актуальной.

3.2 Демографические и экологические проблемы Беларуси

Достижение целей реформирования требует длительного времени и в решающей степени будет определяться имеющимся в распоряжении белорусского социума потенциалом человеческого (социального) капитала. Его качество можно определять по разным параметрам (уровню образования, квалификации, сферам занятости, поло-возрастной структуре, ценностным ориентациям и т.п.), но важнейшими среди них являются такие показатели, как тенденции демографического развития и здоровье народа.

Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь складывается весьма неблагоприятно. Начиная с 1994 г. в стране идет процесс депопуляции, который медленно, но неуклонно набирает силу. За 1994-2001 гг. численность населения сократилась почти на 300 тыс. человек. Постепенно снижается суммарный коэффициент рождаемости. В абсолютных цифрах это означает, что если в 1960 г. в Беларуси родилось 200 тыс. детей, в 1990 г. – 111,2 тыс., то в 2001 г. – только 91,7 тыс. В республике сейчас преобладают семьи с одним ребенком, тогда как для замещения поколений на уровне простого воспроизводства этот коэффициент должен составлять 2,16. При продолжающемся падении рождаемости неизбежно снижается процентная доля молодежи и возрастает процент лиц пенсионного возраста. Так, численность детей в 1990 г. (до 15 лет) в общей структуре населения составляла 24,5 %, а в 2002 г. – 19,6 %. Соответственно число лиц послетрудового (пенсионного) возраста – 19,3 и 21,2 %. По классификации же ООН население страны считается старым, если доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет 7 %. У нас этот показатель в настоящее время почти в 2 раза выше.

Негативные тенденции наблюдаются и в структуре занятости группы людей трудового возраста. Неуклонно увеличивается доля лиц старше 40 лет. И проблема здесь не только в дополнительной нагрузке на бюджет в связи с предстоящим выходом на пенсию все большей численности людей, но и способности рабочей силы к восприятию новых ценностей и инновационным действиям, без чего рыночные преобразования невозможны в принципе. Но как это ни грустно, коренного изменения демографической ситуации в Республике Беларусь ожидать не приходится.⁴⁵

Качество человеческого субстрата нации определяется прежде всего здоровьем людей. Здоровье населения – проблема комплексная, затрагивающая все сферы и аспекты человеческой жизнедеятельности – образование, культуру, экономику, экологию и т.д. По данным экспертов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) здоровье человека на 18 – 20 % зависит от условий окружающей среды, на 8 – 10 % – от уровня развития медицины, на 20 – 22 % обуславливается наследственной предрасположенностью к болезням и на 50 – 54% зависит от образа жизни человека. Таким образом, форми-

⁴⁵ Зиновский В.И. Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь // Социология. 2002. № 1. С. 3 – 7.

рование здоровой нации является делом вполне управляемым и отвечающим как интересам государства, так и отдельного индивида.

В нашей стране по оценкам специалистов Минздрава наблюдается неуклонный рост общей заболеваемости. За период 1990 – 2000 гг. в целом по республике она возросла на 27,2 %.⁴⁶

Растет смертность. По ее уровню Беларусь занимает третье место среди стран СНГ после Украины и России. Основными причинами являются: заболевания систем кровообращения (более 50 %), злокачественные образования, несчастные случаи, отравления, убийства, травмы, самоубийства (3,3 тыс. человек в 2001 г. против 1,7 в 1990 г.)⁴⁷ и т.д. Неуклонно снижается средняя продолжительность жизни населения, особенно мужчин. Усугубляет проблему низкий уровень культуры структурирования свободного времени значительной части населения, отсутствие должного понимания преимуществ здорового образа жизни, незначительная популярность в общественном мнении установок и ценностей подобного образа жизни. Достаточно сказать, что количество потребляемого в стране алкоголя на душу населения в спиртовом эквиваленте за последние пять лет выросло с 6,7 до 9,7 литра. Заметим, что по мнению специалистов ВОЗ критической для здоровья нации является цифра в 2 литра. Положительную динамику имеет распространение ВИЧ-инфекции, количество наркоманов за последние 10 лет возросло в 11 раз. В психологической помощи нуждается каждый второй житель Беларуси.

Государство предпринимает масштабные меры для преломления этих негативных тенденций. Формируется государственная политика в области оздоровления населения. Разработаны и реализуются на практике программа «Здоровье нации» на 1999 – 2005 гг., государственная программа развития физической культуры и спорта, государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма, республиканская программа «Женщины Республики Беларусь». Утверждена новая редакция закона о здравоохранении в Республике Беларусь. Приоритетность развития здравоохранения установлена Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2000 – 2005 гг. Формируется законодательная база для развития спорта, туризма, различных форм самодетельной активности людей.

Было бы, разумеется, наивным ожидать кардинального улучшения ситуации в ближайшее время. Проблема здоровья нации, еще раз подчеркнем, – это комплексная проблема, связанная в том числе и с состоянием духовной культуры народа, верой в реальность позитивных перемен. В этом плане принципиальное значение имеет преодоление бедности. В нашей стране за ее чертой живет около 1/3 населения.⁴⁸

⁴⁶ Зеленкевич И.Б. О состоянии здоровья белорусского народа // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. Мн., 2000. № 6. С.3.

⁴⁷ Зиновский В.И. Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь. С. 6.

⁴⁸ Зиновский В. И. Об основных изменениях уровня материального благосостояния населения Республики Беларусь // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. Мн., 2003. № 12. С.96.

Длительное пребывание людей в маргинальной зоне, как свидетельствуют социологические наблюдения в разных странах, провоцирует привыкание к бедности и тем самым блокирует формирование честолюбивых устремлений и надежд на достижение стандартов жизни среднего класса.

Следует признать, что рыночная экономика не может быть создана усилиями чиновников. Необходимо участие в этом процессе самодеятельных групп населения, и прежде всего молодого поколения. В этой связи включение в рыночные преобразования молодежи должно рассматриваться в качестве одного из приоритетных направлений политики государства. Тогда и проблемы здорового образа жизни, здоровья нации перестанут быть заботой преимущественно государства.

Фундаментальной проблемой, непосредственно влияющей на здоровье людей и требующей целенаправленного участия государства в ее решении, является современная экологическая ситуация в Республике Беларусь. Корни ее уходят в геополитические и военно-стратегические планы еще союзных властей. Результатом осуществления этих планов стало гипертрофированное развитие ресурсоемких, многоотходных отраслей, ориентированных, в основном, на привозное сырье, материалы и вывоз готовой продукции за пределы республики. Приоритет, десятилетиями отдаваемый у нас развитию материального производства без принятия адекватных природоохранных и ресурсосберегающих мер, явился основной причиной возникновения кризисной экологической ситуации. Еще большую остроту она приобрела после Чернобыльской катастрофы. Более 1/5 территории республики загрязнено радионуклидами, что не только резко ограничило ее природно-ресурсный потенциал (загрязнено 22 % сельскохозяйственных и 21 % лесных угодий), но и требует огромных капиталовложений для минимизации радиационной опасности. В результате вынужденного и добровольного переселения из зоны отчуждения были закрыты 282 населенных пункта и выведена из эксплуатации вся прилегающая инфраструктура; на новые места жительства отселено почти 350 тыс. человек. Расходы на Чернобыль в виде процента национального бюджета составляли в разное время от 19,9 % в 1992 г. до 5,3 % в 2001 г. Общая же сумма ущерба оценивается правительством в 235 млрд долларов.⁴⁹

В республике разработаны и осуществляются государственные программы по ликвидации последствий катастрофы, принят ряд законов и постановлений правительства. Их реализация способствовала нормализации радиационного фона атмосферного воздуха в большинстве населенных пунктов республики. Вместе с тем обнаруживаются новые опасности. Начался распад плутония-241 с образованием америция-241, что увеличивает опасность перехода радионуклидов в пищевые цепочки. Максимальное накопление этого элемента в почве, согласно расчетам специалистов, ожидается к 2050 г., а его активность почти в 2 раза будет превышать активность плутония 239 и 240. Таким образом, суммарная альфа-активность трансураниевых элементов к 2050 г. удвоится.⁵⁰

⁴⁹ См.: Гуманитарные последствия аварии на Чернобыльской АЭС. Стратегия реабилитации. Мн., 2002. С.60, 62.

⁵⁰ Национальный отчет о человеческом развитии. 2000. С.77.

Радиационная обстановка в Беларуси отрицательным образом сказывается прежде всего на состоянии здоровья людей, проживающих на загрязненных территориях (а это 19 % населения страны). Особую тревогу вызывает тот факт, что там проживает 530 тыс. детей и подростков. В структуре детской заболеваемости растет удельный вес врожденных и наследственных патологий, обусловленных действием мутагенных факторов неблагоприятной окружающей среды. Серьезный урон здоровью людей причиняют плохое питание, бедность, чувство обреченности, отсутствие надлежащей медицинской помощи.

Экологические проблемы Беларуси последствиями Чернобыльской катастрофы не ограничиваются. К наиболее серьезным относятся загрязнение воздушного бассейна крупных промышленных центров; интенсивная трансформация водосборных бассейнов и водного режима речной сети в результате масштабной мелиорации земель, а также загрязнение рек и озер; техногенная деградация ландшафтов; неблагополучная экологическая ситуация в сельском хозяйстве, связанная с химизацией сельского хозяйства, использованием тяжеловесной техники, эрозией и трансформацией почв; увеличением количества твердых отходов промышленного производства. Общая масса последних в настоящее время превышает 720 млн тонн.⁵¹

Экологическую угрозу несут устаревшие производства, изношенные производственные фонды, большое количество (свыше 500) опасных химических объектов, взрыво- и пожароопасных предприятий (около 400), тысячи километров магистральных газо- и нефтепродуктопроводов и т.д. В целом, как отмечается в Национальном отчете, «производственный потенциал страны таит в себе реальную экологическую угрозу».⁵²

Вместе с тем нужно отметить, что в результате уменьшения антропогенной нагрузки на биосферу, а также принимаемым правительством природоохранным мерам, в республике в последнее время наблюдается положительная динамика по ряду экологических показателей. Однако важнейшим фактором стабилизации экологической ситуации может быть только коренная структурная перестройка экономики, которая обеспечит возможность технического перевооружения, внедрения новых, экологически безопасных, энерго- и ресурсосберегающих технологий. Это комплексная проблема и ее решение во многом будет зависеть от общей стратегии реформирования белорусского общества.

3.3 Формирование структур политической и гражданской самоорганизации общества

Важнейшей предпосылкой актуализации механизмов социальной самоорганизации является расширение возможностей личности и свободы ее духовного, интеллектуального, экономического и политического выбора. Эти возможности, как свидетельствует опыт истории, могут быть реализованы только в условиях развитого гражданского общества и правового государства.

⁵¹ Экологическая безопасность: социально-экономические аспекты. Мн., БИП-С. 2003. С 83.

⁵² Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. С.32.

Гражданское общество – это саморегулирующаяся система взаимодействий негосударственных институтов, структур и отношений, спонтанно возникающих и функционирующих в социуме на основе свободного решения граждан и их объединения в добровольные ассоциации для удовлетворения своих партикулярных интересов. Последние могут быть самыми разнообразными и простираются от политических целей (когда речь идет о политических партиях) до экзотических затей и чудачеств (вроде объединений граждан в защиту прав инопланетян). Активность свободного человека в данном измерении социальной синергии представляет собой неисчерпаемый креативный потенциал демократического общества.

В советский период отечественной истории государственному (партийному) контролю была подчинена не только общественная, но во многом и личная жизнь граждан. В тоталитарном социальном пространстве практически не оставалось места для индивидуальной и тем более групповой самостоятельности. В итоге гражданское общество как сфера осуществления частных интересов людей в СССР, а значит и в Беларуси, ни сложиться, ни функционировать просто не могло. Тоталитаризм в этом смысле оставил после себя весьма деформированное пространство социальной синергии. Для формирования гражданских структур необходима целенаправленная политика государства, направленная на создание правовых, политических, экономических, ментальных и иных предпосылок.

Однако у нас данный процесс имеет свои особенности. Они в том, что абсолютное большинство населения республики к моменту провозглашения независимости не помышляло о суверенитете страны (в отличие от народов Прибалтики), ориентировалось на твердые социальные гарантии со стороны государства, настороженно относилось к проявлениям инакомыслия и личной инициативы, не рассматривало свободу в качестве значимой социальной и духовной ценности. Поэтому демократизация и реформирование началось здесь не на собственной, подготовленной основе, а шло в русле ответных реакций, вынужденных социальных действий на идущие извне вызовы, реакций часто спонтанных и не структурированных.

Становление гражданского общества – это системный процесс, затрагивающий практически все сферы и уровни социальной синергии. Он предполагает реформирование отношений собственности и утверждение частной собственности наравне с государственной в качестве основы хозяйственной жизни; формирование среднего класса в качестве гаранта социальной стабильности; развитие многопартийности как предпосылки заинтересованного и ответственного участия граждан в формировании органов государственной власти на всех уровнях ее организации; реальное разделение властей и превращение парламента в профессиональную политическую структуру, наделенную и контрольными полномочиями; децентрализацию власти и передачу реальных властных функций местным сообществам, развитие местного самоуправления, выборность населением руководителей исполнительной власти на местах; независимость суда и средств mass media; реальное соблюдение прав и свобод личности и т.д. Из сказанного очевидно, что становление гражданского общества неотделимо от процесса формирования правового го-

сударства и предполагает как соответствующую институализацию общественной жизни, так и культивирование в общественном сознании новых ценностных ориентаций и социально-психологических установок.

В Беларуси данный процесс только начинается. Определены его конституционные рамки, законодательно закреплены права и гарантии граждан, политических партий и общественных объединений, легимитизирована частная собственность, защита права и свобод личности провозглашена в качестве одной из важнейших функций государства.

Формирование элементарно-структурной базы гражданского общества, ее развертывание и актуализация в процессах социальной синергии может идти тремя путями. Первый – это путь стихийной, спонтанной самостоятельности граждан, объединяющихся во всевозможные ассоциации для совместных действий ради достижения общих целей; второй связан с опережающей активностью государства, создающего для такого рода объединений и действий необходимые предпосылки, и третий – это путь их синергичного взаимодействия. В нашей стране продолжают действовать прежние инерционные механизмы блокирования самостоятельной активности людей. Большинство населения объединено в государственные трудовые коллективы, профессиональные союзы, которые управляемы, ими легко манипулировать, в том числе и в политических целях. Сегментизировалась, вычленилась из старых структур лишь незначительная сознательная и социально активная часть населения.

Тем не менее определенный прогресс в конституировании гражданского общества является очевидным. Идет он главным образом в рамках первой модели, преодолевая не только инерцию прошлого, но и противодействие (явное и неявное) государственных структур. В настоящее время в Беларуси существуют 18 политических партий. Однако количество в данном случае не является критерием наличия у нас многопартийности. Степень доверия к ним населения невысока и колеблется от 5 до 7 %. Несколько больше граждане доверяют профсоюзам и другим общественным объединениям (15 – 17 %).⁵³ Столь низкий уровень доверия к политическим партиям обусловлен многими причинами, как объективными, так и субъективными. В их числе – слабая структурированность и дифференциация общества в социально-политическом плане, неосознаваемость людьми своих подлинных социальных и экзистенциальных интересов, доминирование в общественном сознании идеологических стереотипов и социально-психологических инстинктов прошлого, а также отсутствие опыта публичной политической деятельности, личные амбиции молодых политических лидеров, неадекватные оценки ими существующих в белорусском обществе реалий. Для утверждения подлинной многопартийности необходимо также создание соответствующих правовых условий (например, избрание депутатов по партийным спискам, как в России).

Непросто идут процессы становления самостоятельных общественных организаций и объединений. Налицо тенденция к огосударствлению профсоюзного и молодежного движения. Союзы промышленников и предприни-

⁵³ Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. С.93.

мателей не имеют сколько-нибудь серьезного влияния на проводимую государством экономическую политику. Акции протеста и забастовки предпринимателей чаще всего оказываются малоэффективными.

Настороженное отношение государства к нарождающимся новым общественным структурам связано не только с тенью тоталитаризма, незрелостью объективных предпосылок (экономических, политических, социальных) для формирования гражданского общества, но с особенностями национального менталитета. Поэтому пока можно говорить о том, что у нас складывается так называемое «малое» (элитарное) гражданское общество, которое следует рассматривать как необходимый переходный этап на пути создания полноценного гражданского общества. Для оптимизации же данного процесса, еще раз подчеркнем, требуются партнерские отношения структур гражданского общества и государства.

3.4 Социальный характер и концептуальные средоточия национальной идеи

Духовная синергия – это совокупный результат содействия, взаимодействия всего многообразия форм индивидуальной, групповой и социальной ментальности, мировоззрений и ценностных ориентаций людей, познавательных интенций и нравственных императивов, идеологических установок и нравственных архетипов, целенаправленных устремлений и бессознательных импульсов, ситуативного настроения и твердых убеждений, веры, экзистенциалов и норм, феноменов национального и общечеловеческого сознания, проблем и способов их решения и т.д.⁵⁴ Она является тем аспектом социальной синергии, который, подобно эфиру, заполняет все ее пространство, во многом определяя специфику и характер социокультурной динамики. Кризис прежней идеологии и разuverенность в декларируемых ею целях может стать одной из причин социальной аномии и ускорить крах изжившего себя политического режима. Как это случилось, например, с Советским Союзом, странами социалистического содружества. И наоборот, наличие в системе духовной синергии вдохновляющих людей идей и идеалов способствует консолидации общества и мобилизации усилий на их достижение. Масштабными примерами массовых социальных действий в прошлом могут быть движения, вдохновляемые религиозными или национально-освободительными идеалами.

Историческая траектория любого общества может быть описана как единство двух сменяющих друг друга состояний. Первое – это период относительно спокойного, эволюционного развития и непринципиальных изменений. В такие времена содержательное многообразие процессов духовной синергии сбалансировано и определяется ее ценностно-смысловыми доминантами. В прошлом – это прежде всего религиозные ценности, в наше время – идеологии гуманистической направленности (либеральной, социал-демократической, консервативной) или антигуманные политические идеологии (большевистская, национал-социалистическая, чучхе и т.п.). Второе состояние общества характеризуется стремлением к радикальным переменам,

⁵⁴ Духовная синергия: адукация і асветніцтва. Мн., 2002. С. 12.

дезинтеграцией, разрывом прежних связей. Духовная синергия утрачивает ценностно-смысловые основания и превращается в диссипативную хаотизированную среду. Как свидетельствует опыт истории, именно в такие периоды возникают принципиальные инновации: формулируются и выдвигаются новые идеи, возникают новые социальные институты, закладываются основы будущих традиций. Данный процесс чаще всего протекает спонтанно и воспринимается общественным сознанием (и властями) неоднозначно, нередко сквозь призму архетипов «конца света».

По-настоящему новое, по словам Ф. Ницше, входит в жизнь тихими, неслышными шагами, постепенно укореняясь в социально-психологических установках людей, а затем, благодаря институализации процесса, превращается в факт идеологии, мировоззрения или государственной политики. Так было не только со всеми мировыми религиями, но и философскими учениями (Маркса, Ницше), социально-политическими концепциями (либерализма, правового государства), религиозным реформаторством (протестантизм), научными теориями (гелиоцентризма, происхождения человека, бессознательного) и т.д. Ассимиляция новых ценностей и смыслов общественным сознанием, их институализация ведут к трансформации общества и появлению нового типа человека.

Следует, однако, подчеркнуть, что в истории различных социумов и цивилизаций подобные разрывы социальной синергии встречаются не часто. Наиболее ярко они обнаруживают себя в социокультурной динамике Западной Европы. К. Маркс данный факт зафиксировал в теории общественно-экономических формаций, акцентировав в качестве причин «перерывов постепенности» противоречия в экономической синергии. В. Парето таковым считал политический, а М. Вебер – духовный (религиозный) фактор.

Для обществ традиционного типа (Китай, Индия, исламский мир) характерен эволюционный тип существования. Социокультурные процессы начали обретать там новые черты после встречи Востока с индустриальным Западом и возникшей вследствие этого необходимостью адекватных ответов (в виде модернизации) на экспансионистские устремления (вызовы) со стороны последнего.

Срединное положение между Востоком и Западом занимает Россия. Она принадлежит к цивилизациям «догоняющего» типа. Такие цивилизации, по определению, при определенных условиях (например после поражений в войне) осуществляют масштабные реформы, инициируемые властью с целью модернизации общества (прежде всего – армии) и повышения его исторической конкурентоспособности. За сравнительно короткие периоды времени, мобилизуя все необходимые внутренние ресурсы, Россия добивалась на известный промежуток времени паритета с Западом. Затем опять отставание, вновь мобилизация и очередной рывок. Так было во времена Петра I, реформаторской активности Александра II, революционных преобразований большевиков.

До поры до времени эти три типа цивилизаций существовали относительно обособленно. Сегодня, однако, в ситуации набирающего темпы и размах НТП и инициируемые им процессы глобализации, международное сооб-

щество обретает новую конфигурацию. Сейчас невозможно предсказать, какой облик оно в итоге примет. Важно то, что от спекулятивных рассуждений об основах человеческого существования (они в общем определены – гармонизация отношений с природой, взаимовыгодное и равноправное сотрудничество, превращение диалога в универсальную форму международных и людских коммуникаций, реальное обеспечение прав и свобод личности, совместное противодействие глобальным угрозам и т.д.) международное сообщество переходит к практическим действиям. Солидарная решимость глав государств и правительств в области развития человечества сформулирована в Декларации тысячелетия, принятой ООН в 2000 г. Основная интенция документа – избавление человечества от нищеты и достижение параметров устойчивого социально-экономического развития.⁵⁵ Естественно, что каждая страна, народ примет участие в этом беспрецедентном мероприятии исходя из своих реальных возможностей и национальных особенностей. Главное здесь – не выпасть из общих процессов мировой динамики.

Эскизно представленный выше теоретический анализ некоторых общих проблем социокультурной динамики призван способствовать более глубокому и содержательному уяснению специфики процессов белорусской социальной и духовной синергии, а также определения направленности институциональных действий.

Из анализа отечественной истории следует, что перманентные периоды хаотизации социальной жизни, вызванные войнами, инкорпорациями, революциями, не позволили укорениться и набрать жизненно необходимый инерционный импульс таким важнейшим субстанциональным и конститутивным началам этногенеза, как язык, религия, государственность, собственность, традиции городской жизни. Периодические политические, социальные, демографические и культурные пертурбации и кризисы, волнами накрывавшие Беларусь на протяжении веков, сформировали в народе естественную социально-психологическую установку – выжить, выжить ценой приспособления к постоянно изменяющимся (чаще всего насильственно) условиям существования. При подобном стечении обстоятельств речь могла идти лишь о сохранении некоторых черт этнокультурной идентичности, но не о развитии творческого потенциала народа и культивировании качеств свободной и инициативной личности.

В течение двух последних столетий, как мы стремились показать выше, прослеживается действие тенденций к восстановлению целостности белорусской социокультурной синергии. Однако проявляли они себя весьма противоречиво, часто лишь спорадически или в контексте иных, более мощных и поглощавших их течений. Естественно, что кардинальным образом изменить структуру белорусского социального характера они не могли.

Социальный характер, согласно автору данного понятия Э. Фромму, – это результат динамической адаптации человеческой природы к общественной среде.⁵⁶ Думается, что и к природной тоже. Он представляет собой сплав чувств, мыслей и установок к действию, общих для большинства людей дан-

⁵⁵ Доклад о развитии человека за 2003 год. Мн., 2003. С.5.

⁵⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 246.

ного социума. Характер формирует определенные потребности, побуждающие конкретных людей к действиям (или блокирует оные). Новые идеи, которые появляются на жизненном горизонте общества, могут в нем укорениться лишь тогда, когда совпадут со специфическими потребностями людей данного социального характера.⁵⁷

Исследователями-белорусистами осуществлена большая работа по изучению различных аспектов национального самосознания.⁵⁸ В последнее время в данный процесс активно включились социологи.⁵⁹ Среди доминантных черт белорусского менталитета обычно выделяются такие, как толерантность, послушание, трудолюбие, героизм, коллективизм, чиновничество, патернализм, пассивность, приверженность традициям. Вместе с тем высшие гражданские и личностные ценности – патриотизм, чувство национального достоинства, демократия, независимость, свобода, инициатива, конкуренция, индивидуализм в иерархии ценностных предпочтений белорусов занимают невысокие места. Хотя, естественно, существуют определенные различия в структуре ценностных ориентаций разных возрастных и социальных групп населения. В последнее время наблюдается тенденция к идеологическому размежеванию между поколениями. Сторонниками социалистической идеологии являются в основном пенсионеры, а предприниматели, студенты и служащие отдают предпочтения либеральным и социал-демократическим идеям.⁶⁰ Это, безусловно, позитивный момент. Однако реальное значение данное умонастроение обретет лишь тогда, когда станет неотъемлемым компонентом структуры социального характера белорусов и заявит о себе через их практические действия.

Данный процесс подчиняется определенной исторической логике и искусственно форсирован быть не может. Но вместе с тем он вполне может быть оптимизирован посредством соответствующих институциональных форм, в частности, целенаправленной и разносторонней поддержки государством развития предпринимательства, малого и среднего бизнеса. Это важно и для развития экономики страны в целом. В данной связи верным представляется суждение Л. Заико: «Для придания экономике динамизма нужна особая атмосфера в обществе. Если ее нет, то никакими техническими средствами создать атмосферу развития, роста, активности, конкурентности невозможно. Если страна смирилась со своей судьбой, то из такого состояния ее может вывести только шок».⁶¹ Лучше, однако, его избежать.

Будучи относительно устойчивым феноменом социальной синергии, в ситуациях изменяющихся исторических вызовов социальный характер может

⁵⁷ Там же. С. 233.

⁵⁸ См., напр.: Жураўлеў В.П. На шляху духоўнага самасцвярджэння. Мн., 1995; Лыч А.М. Беларуская нацыя і мова. Мн., 1996; Мікуліч Т.М. Мова і этнічная самасвядомасць. Мн., 1996; Салееў В.А. Нацыянальная самасвядомасць і мастацкая культура. Мн., 1990 и др.

⁵⁹ См.: Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. 1999. № 1; Русецкий А.В., Гашенко Л.А. Патриотические ценности студенческой молодежи в условиях социальной трансформации // Социология. 2000. № 1; Местовский Н.А. Состояние политической культуры студенческой молодежи в современном трансформирующемся обществе // Социология. 2000. № 2.

⁶⁰ Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. С. 94. Молодёжь г. Минска: социальный портрет. Мн.: 2004. С. 41.

⁶¹ Заико Л. Экономика 2002: прошлое и потенциал будущего // Аналитический бюллетень белорусских фабрик мысли. 2002. С. 22.

трансформироваться и приобретать новые доминанты, тем самым способствуя поиску адекватных ответов. В этом смысле он является созидательным фактором общественного прогресса. Формируя новую структуру потребностей и ценностно-смысловых устремлений личности, социальный характер с течением времени институализируется в соответствующих действиях масс и институтов, содействуя переменам. Изменения в социальном характере могут происходить как спонтанно, в результате процессов социальной самоорганизации, так и целенаправленно – под влиянием определенной идеологии и организационной политики государства. Надо полагать, что дополняющее взаимодействие институционального и спонтанного начал социальной синергии является наиболее эффективным способом перестройки структуры социального характера народа.

Исходя из сформулированных теоретических посылок рассмотрим ситуацию с трансформацией белорусского национального характера. За «точку отсчета» возьмем ценностно-мотивационную сферу личности. Доминирование в ней тех или иных интенций обуславливает различные стратегии адаптации индивидов к социальным изменениям. Исходя из этого критерия в социальной структуре современного белорусского общества можно выделить следующие основные группы:⁶² 1) активно-инициативная. Сюда входят так называемые «новые белорусы», активно занимающиеся предпринимательской деятельностью и полностью принимающие перемены. Их доля в составе населения составляет 3 – 4 %; 2) пассивно-конформистская. Она составляет основную массу населения. Для ее поведения характерно стремление приспособиться к идущим изменениям; 3) третью группу образуют лица, с разной степенью активности не приемлющие новые реалии и испытывающие ностальгию по прошлому. Их доля в структуре населения значительна – до 20 %; 4) четвертая – социально-активная, использующая кризисное состояние общества и реализующая свои интересы криминальным, преступным путем. Она относительно невелика, однако ее негативное влияние на общество весьма существенно; 5) маргинальная, имеющая тенденцию к росту, характеризуется атрофией социально и личностно-значимых ценностей и идеалов.

Адаптация к новым реалиям идет посредством диалектического взаимодействия объективных и субъективных факторов и сопровождается структурными переменами в социальном характере нации. О ее относительной завершенности можно будет говорить лишь тогда, когда в нашей стране сформируется средний класс с классической для него системой жизненных стандартов и ценностей. Прогнозировать сроки – дело неблагодарное. Однако очевидно, что можно и нужно данный процесс направлять посредством соответствующей экономической, правовой, демографической и т.д. политики государства.

Сегментизация белорусского общества по самым разным основаниям, дивергенция интересов различных социальных групп и поколений – необходимая объективная историческая предпосылка трансформации национального характера. Данный процесс является многовекторным и разнопла-

⁶² Бабосов Е. Структурные модели адаптации индивидов в трансформирующемся обществе // Социология. 1999. № 4. С. 29-31.

новым. Важным фактором его оптимизации является наличие в духовной синергии социума объединяющих его целей и смыслов. Прежние «советские» на эту роль не годятся. Поэтому инициированную Президентом от имени государства задачу разработки национальной идеологии следует признать весьма актуальной. Новая идеология, предполагается, как раз и призвана содействовать консолидации белорусского общества, его межгрупповой солидарности.

Возможно, такой консолидирующей основой может быть национальная идея. Уже сам факт артикулирования подобной идеологической установки имеет позитивное, в том числе социально-психологическое значение. В социальном характере белорусов до сих пор не сформировано чувство здорового национализма, а потому нет и выраженного чувства национального достоинства, стремления принять активное участие в процессах преобразований. Особенно настораживает тот факт, что нигилистические настроения распространены в студенческой среде. Так, чувство высокой гражданской ответственности за свою страну испытывают лишь 10 % студентов вузов г. Витебска, а горечь, обиду за происходящее в стране – 71 %, постоянный страх перед будущим, неуверенность в завтрашнем дне – 54 %.⁶³ Более 22 % респондентов, согласно данным другого социологического исследования, высказали желание навсегда покинуть Беларусь.⁶⁴ Отсюда ясно, что потребность в разработке и культивировании национальной идеологии, модернизации и «национализации» общественного сознания имеет столь же важное значение для динамичного развития страны, как и реформирование экономики и социальных отношений.

Феномен национальной идеи требует очень взвешенного подхода и осмысления. Национальная идея не является чем-то застывшим, некоей «вещью-в-себе», которую нужно просто найти – в текстах, действиях, событиях, фактах истории, высказываниях различных личностей и т.п. Напротив, ее смысл необходимо сконструировать, принимая во внимание как все то, «что было» (давая ему соответствующую интерпретацию), так и то, «что должно быть» (и опять-таки теоретически обосновывая). Логическая реконструкция исторически значимых моментов ее содержания может выглядеть следующим образом. Конституирование белорусской национальной идеи. Оно связано с деятельностью И. Даниловича и М. Бобровского (первая треть XIX в.). Второй этап приходится на другую половину этого столетия и обнаруживается в формировании конститутивных форм национального самосознания: закладываются научные основы белорусистики, формируется литературный язык, возникает литература, публицистика, театр, создаются нелегальные национально ориентированные организации. Особенностью третьего этапа является акцентуация политического содержания национальной идеи, нашедшая свое завершение в провозглашении БНР. Четвертый этап приходится на советский период белорусской истории. Несмотря на всю его противоречивость, принципиальное значение для развития национального самосознания

⁶³ Русецкий А.В., Гащенко Л.А. Патриотические ценности студенческой молодежи в условиях социальной трансформации // Социология. 2000. № 1. С. 35.

⁶⁴ Местовский Н.А. Состояние политической культуры студенческой молодежи в современном трансформирующемся обществе // Социология. 2002. № 2. С. 67.

белорусского народа имел процесс институализации факторов социальной и духовной синергии. Пятый этап развития белорусской национальной идеи обусловлен, в одной стороны, влиянием исторических традиций, а с другой – потребностями этнической самоидентификации в условиях государственного суверенитета, становления гражданского общества и строительства правового государства. Шестой должен быть связан с заинтересованным участием в данном процессе государства и направленным на создание необходимых для этого социально-экономических и политико-правовых предпосылок.

Самый общий план (основание) современного понимания национальной идеи предполагает восстановление целостности отечественной социокультурной синергии. Это масштабная работа для поколений. Она заключается в преодолении исторических разрывов и всех форм отчуждений человека и общества: от собственности, власти, природы, культуры, исторического наследия, языка. Структурообразующим стержнем, своего рода аттрактором, должно быть формирование адекватного вызовам времени социального характера с доминированием в его структуре таких потребностей, как свобода, ответственность, законопослушание, гуманизм, инициативность, риск при сохранении тех черт, которые «справдеку» отличали белорусов. Особо следует подчеркнуть, что на пути в «иную современность» необходимо культивировать в национальном менталитете установки на риск. Очень точно характеризует его место в ситуации нашего времени немецкий социолог У. Бек: «На прогрессивной стадии современной эпохи общественное производство и богатство идет рука об руку с производством общественных рисков... Каждый должен быть готов к тому, что его жизнь может потерпеть крушение».⁶⁵ Отсюда важность формирования у каждого члена общества вариативного взгляда на жизнь и социальную активность. Умение находить свою нишу в постоянно трансформирующемся мире, в различных социальных структурах и иерархиях должно стать частью мировоззрения новых белорусов. Наконец, вершина конструкции и смысл совокупных усилий социума – конкретный индивид – здоровый физически и интеллектуально развитый, профессионал, носитель зрелой правовой и политической культуры, патриот.

Далее нужно наполнять данную парадигму конкретным содержанием, акцентируя приоритеты, этапы, способы и методы ее осуществления. В этом процессе важна системность в действиях всех, как говорится, заинтересованных сторон и их координация. Его организационно-правовые берега определены Конституцией, законодательной базой, которая по мере обретения белорусским социумом черт гражданского общества и правового государства будет корректироваться в пользу механизмов социальной самоорганизации. Однако не следует фетишизировать роль государства и сегодня. Его человеческий субстрат – неотъемлемая часть общества со всеми его проблемами, противоречиями и комплексами. В своей основной массе государственный аппарат (по оценке Президента на 80 %) представляет собой советское наследие с присущими ему инерцией и традициями. Очевидно, что перемены будут входить в жизнь через деятельность новой национальной элиты. Ее

⁶⁵ Социолог Ульрих Бек: на пути в иную современность // Deutschland. 1997. № 3. С. 20.

формирование следует рассматривать в качестве стратегической цели развития белорусского общества. Данный процесс может быть оптимизирован в результате синергийного взаимодействия институциональных и спонтанных факторов социальной динамики.

Смысл национальной идеи – в ее действенности, жизненной значимости для любого человека, а не только говорящих и пишущих на эту тему политиков и идеологов. Таковой она может стать при условии сопряжения с реальными потребностями и интересами людей. Как верно замечает В.С. Степин (говоря о России), национальная идея не должна отрываться от настоящего и служить целям мобилизационного порыва. Но вместе с тем она должна соответствовать запросам постиндустриального общества.⁶⁶ Исходя из данного суждения, есть резон видеть и понимать различия между теоретической экспликацией белорусской национальной идеи и ее представленностью в массовом сознании. Скорее всего совпадения здесь не будет. В этой связи необходим «мост». Таковым в наших условиях могла бы быть идея сбережения – народа, государства, культуры, языка, формирования белорусской культурно-этнонимической среды проживания.

Вот эта итоговая концептуальная конструкция, наполненная содержанием, отвечающим потребностям различных социальных групп, и может стать ценностно-смысловым ядром национальной идеи, реализуясь в разновекторных действиях различных социальных институтов – образования, просвещения, науки, культуры, СМИ и других видах социальных практик.

Заключение

Термин «синергия» в переводе с греческого буквально означает содействие, сотрудничество, со-работничество. Социальная синергия – это взаимодополнение, взаимодействие всех образующих социум структур всех уровней его организации – социальных групп, институтов, культур, форм сознания и т.д., сбалансированное функционирование всей системы социальных связей и отношений. В данных процессах имеют место как целерациональные, институциональные, так и спонтанные, стихийные действия людей. Будучи противоположностями, они не только «отрицают» (диалектически), но и предполагают друг друга. Через их синергийное взаимодействие идут процессы социальной самоорганизации и развития. Безусловной предпосылкой проявления и действия социальной спонтанности являются свобода личности, правовое государство и гражданское общество.

Отечественная социокультурная динамика характеризуется перманентными внешними вызовами, часто не соизмеримыми по силе давления с внутренними возможностями адекватных на них ответов белорусского социума. Это в существенной мере деформировало органическое протекание процессов социальной и духовной синергии. В ситуации обретения белорусским народом государственной независимости процессы социальной трансформации во многом будут зависеть от эффективности актуализации и функционирования механизмов социальной самоорганизации, преодоления исторических

⁶⁶ Степин В.С. Исторический вызов и проблема общенациональной идеи // Социология. 1999. № 4. С.28

разрывов социальной синергии и порожденных этим обстоятельством различных форм отчуждения. Важное значение в данных процессах имеет духовная консолидация общества. Ценностно-смысловым ядром духовной синергии белорусского общества должна быть национальная идея, содержательно диверсифицированная в соответствии с потребностями каждой из социальных групп и в то же время консолидирующая общество в стратегических целях его развития.

Библиотека БГУИР

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская мова: Энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мн., 1994.
2. Беларусы: У 8 т. Т. 1 – 6. Мн., 1997 – 2002.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1983.
4. Довнар-Запольский М.В. История Беларуси. – Мн., 2003.
5. Доклад о развитии человека за 2003 год. – Мн., 2003.
6. Зеленкевич И.Б. О состоянии здоровья белорусского народа. Информ. бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – Мн., 2000. № 6.
7. Зиновский В.И. Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь // Социология. 2002. № 1.
8. Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. 1999. № 1.
9. Конан У.М. Беларуская культура: Гістарычны нарыс // Адукацыя і выхаванне. 1994. № 10.
10. Концепция национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. – Мн., 2003.
11. Лыч А., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мн., 1996.
12. Лыч А.М. Беларуская нацыя і мова. – Мн., 1996.
13. Мікуліч Т.М. Мова і этнічная самасвядомасць. – Мн., 1996.
14. Национальный отчет о человеческом развитии. 2000. Беларусь: выбор пути. – Мн., 2000.
15. Национальный отчет о человеческом развитии. 2003. Человеческий потенциал Беларуси: экономические вызовы и социальные ответы. – Мн., 2003.
16. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. – Мн., 1989.
17. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.
18. Шакун Л. Гісторыя беларускага мовазнаўства. – Мн., 1995.
19. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. – Мн., 1984 – 1987.
20. Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. – Мн., 1989.
21. Юхо А.Я. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мн., 1992.

Публикации авторов

1. Духоўная сінэргія: адукацыя і асветніцтва. Навучальны дапаможнік для студэнтаў і аспірантаў // Пад рэд. У.І. Міськевіча. – Мн., 2002.
2. Міськевіч У.І. Адукацыя ў кантэксце соцыякультурных пераўтварэнняў // Майстэрства. 2002. № 2.
3. Міськевіч У.І. Нацыянальная ідэя як каштоўнасна-сэнсавае ядро беларускай мадэлі адукацыі і асветніцтва // Система демократического гражданского образования: сущность, проблемы, механизмы реализации: Тез. докл. респ. науч. конф. – Мн., 2003.
4. Міськевіч У.І. Адукацыя як фактар соцыякультурнай дынамікі // Чалавек. Грамадства. Свет. 2002. № 4.
5. Малыхина Г.И. Идеинная значимость университета в условиях глобализации образования: Тез. докл. междунар. научно-метод. конф. – Мн.: БГУИР, 2004.
6. Малыхина Г.И. Проблема аргументации в контексте развития логики: Тез. докл. междунар. научно-практ. конф. – Киев, 2004.
7. Малыхина Г. И. Философско-методологическая культура в контексте современной теории аргументации: Тез. докл. 8-й Всероссийской конф. «Современная логика: проблемы истории, теории и применения в науке». – СПб., 2004.
8. Міськевіч В.И. Национальная культура // Чалавек. Грамадства. Свет. 2002. № 3.
9. Міськевіч В.И. Свобода как гуманистическая ценность // XVIII Междунар. чтения «Великие преобразователи естествознания. Леонардо да Винчи». – Тез. докл. – Мн., 2002.
10. Міськевіч В.И. Синергетика и постмодернизм: концептуальный и методологический параллелизм дискурсов // Майстэрства. 2003. № 2 – 3.
11. Міськевіч В.И. Человек. Общество. Государство: Учеб. пособие – Мн., 2004.
12. Философский словарь студента / Под ред. В.Ф.Беркова и Ю.А. Харина. Мн.:Тетра-системс, 2003.
13. Харин Ю.А. Да здравствуе разум, да скроется тьма // Беларуская думка, 2002. № 9.
14. Харин Ю.А. Духовное со-действие // Чалавек.Грамадства. Свет. 2003. №1.
15. Харин Ю.А. Средоточия духовной синергии // Духовная культура и современное общество: Тез докл. респ. науч. конф. – Мн., 2003.
16. Харин Ю.А. Эпоха, схваченная в мысли // Беларуская думка, 2002. № 7.
17. Харин Ю.А., Малыхина Г.И. Логико-методологический анализ понятия социальной синергии // Современная логика. Проблемы, теории, истории и применения: Тез. докл. междунар. научн. конф. – СПб., 2002.

Учебное издание

Малыхина Галина Ивановна,
Миськевич Владимир Иосифович,
Харин Юрий Андреевич

**ГУМАНИЗАЦИЯ ДУХОВНОЙ СИНЕРГИИ СОВРЕМЕННОГО
БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ
ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ**

Учебное пособие
по курсу философии и культурологии
для студентов всех специальностей и форм обучения БГУИР,
аспирантов и магистрантов

Редактор Т.Н. Крюкова
Корректор Н.В. Гриневич

Подписано в печать 13.01.2005.
Гарнитура «Таймс».
Уч.-изд. л. 4,8.

Формат 60x84 1/16.
Печать ризографическая.
Тираж 250 экз.

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 4,53.
Заказ 462.

Издатель и полиграфическое исполнение: Учреждение образования
«Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»
Лицензия на осуществление издательской деятельности №02330/0056964 от 01.04.2004.
Лицензия на осуществление полиграфической деятельности №02330/0133108 от 30.04.2004.
220013, Минск, П. Бровки, 6